Мисс Страна. Чудовище и красавица

Автор:
Алла Лагутина

Мисс Страна. Чудовище и красавица

Алла Лагутина

Её не отпускают страшные сны. Экзотической красавице, дочери шамана, участнице конкурса «Мисс страна» снятся убийства. Реальные жестокие убийства, причем видит она их глазами жертв. Она своя в мире столичного шоу-бизнеса, подруга и конкурентка завтрашних жертв. Достаточно ли силен ее дар, чтобы опередить того, кто ей снится и кого обычные люди считают серийным маньяком? Сможет ли она избавить мир от темных сущностей и спасти красоту, украденную безумцем? И может ли она доверять тому единственному, кто вызвался ей помочь?

«Если бы она только могла их как-то предупредить! Тех, кого видит во сне…

Но во сне Сандугаш никогда не была собой. Она была жертвами. Ими всеми. И бесполезно, наверняка бесполезно искать в Интернете эту рыжую Анну. В рыжий она выкрасилась в день смерти. Какого цвета волосы у нее были до того – Сандугаш не знает. А главное – о пропавших взрослых редко пишут. Вот про детей – да. А про взрослых – только если родственники поднимают переполох. Но чтобы искать, надо хотя бы знать, какой это город… Где знаменитый кремль? Кроме Москвы?»

Алла Лагутина

Мисс Страна. Чудовище и красавица

Пролог

Подиум

Подиум залит светом прожекторов – идешь вперед, и кажется, что вокруг полная темнота. Ты знаешь, что зрительный зал набит битком, несколько сотен людей пришли посмотреть на ту, кого через три четверти часа объявят самой красивой девушкой страны. Три четверти часа – выход пяти финалисток. Вся жизнь девушек – их время, мечты, мысли, сны были посвящены этим грядущим минутам. Каждая участница надеялась на успех. Даже те, кто в глубине души был уверен, что честных конкурсов красоты не существует, что корона либо оплачена богатенькими родителями красавицы, либо отработана в постели с одним из спонсоров. Такие сплетни ходили вокруг «Мисс Страны», и чем ближе становился день финала, тем живее эти трагически несправедливые сценарии обсуждались конкурсантками.

«Видели, у Астаевой родители в зале! На папаше пиджак Brioni, я рассмотрела надпись на пуговичке, когда мимо шла. Знаете, сколько стоит такой пиджак? Минимум пятерку евро. О чем тут можно говорить? У моей вот мамы даже на билет до Москвы денег не хватит, вздумай она на меня посмотреть…»

«Та тихоня из Ярославля – на вид мышь мышью, а сама вчера где-то всю ночь шлялась. И ей пофиг, что по правилам нам нельзя покидать пансионат. К утру явилась, от нее шампанским пахло, а взгляд был такой мечтательный – так только после секса бывает. А все заливала – мол, бойфренд у нее в Ярославле остался, пожениться они собираются. А теперь плевать хотела и на бойфренда, и на всех вокруг – пальцем ее поманили, она и пошла!»

«У Сердюк откуда-то появилось кольцо с брюликом. Так, ничего особенного, говенный брюлик – максимум половина карата. Но она так палец вперед выставляет, как будто ей арабский шейх предложение сделал. Спрашивается, откуда такое? У Сердюк, у девочки с пластмассовыми заколками, которая ботинки маркером подкрашивает, чтобы они казались поновее!»

Всё это обсуждалось в курилке (многие девушки в процессе подготовки к конкурсу пристрастились к сигаретам – никотин хорошо отбивал аппетит), в столовой, на обязательной утренней пробежке, перед сном. Девушки разбивались на группы, но каждая их участница молчаливо ненавидела

остальных – нет, это была не дружба, а вынужденные коалиции. Месяц назад, когда все они – двадцать пять самых красивых девчонок страны – въехали в подмосковный пансионат, где их ежедневно и почти круглосуточно учили себя подавать на подиуме, они были наивными цветочками, обычными добрыми девчонками. И вот за считанные дни произошла трансформация – ангельский сонм обратился в копошащийся клубок змей. Обычное дело, ничего особенного. Мир профессиональных красавиц жесток и требует не только железной воли и невероятного трудолюбия, но и навыка в нужный момент пройти по головам, проявить хитрость и, наоборот, красиво выкрутиться, если тебя подставили другие. Иначе не победить.

Не все из этих красоток останутся в мире подиума. Для кого-то конкурс будет просто яркой деталью жизни – они вернутся в родной город, продолжат учебу в институте, выйдут замуж и время от времени станут с гордостью демонстрировать друзьям фотоальбом. Они забудут этот змеиный подтекст и снова превратятся в ангелов. Утратят бульдожью хватку – за ненадобностью. Но пока все они – воины, и каждая взвинчена до такого состояния, как будто от короны зависит жизнь ее семьи.

– Давай, Люда! У тебя все получится! – Брюнетка в расшитом стразами белом платье толкает в спину конкурентку, улыбается ей в лицо, а как только та выходит на подиум, шепчет: – Да чтоб ты там свалилась. Ноги кривые, мозги куриные, а всё туда же – на «Мисс Страну». – И совсем уж себе под нос добавляет: – Сучка.

Сандугаш молча наблюдала за происходящим вокруг. Ее здесь считали странной, не от мира сего. Она была приветливой, но подругами так и не обзавелась. Ее красота казалась необычной и «честной» – не той, что видна только на фотопленке, а той, которая сразу бросается в глаза. Но почему-то остальные не прочили ей успеха. А когда ее имя назвали в числе пяти финалисток, даже удивились – ничего себе, вот так серая лошадка!

И вот наконец пришла ее очередь идти вперед. Распорядитель конкурса, Влад, манерный молодой человек с фиолетовым ирокезом, ободряюще потрепал девушку по плечу:

– Давай, моя милая! Не подведи, порви их там всех!

Ничего личного, Влад говорил одни и те же напутственные слова каждой.

И Сандугаш пошла вперед, стараясь не щуриться от ослепительных прожекторов. Отрепетированная улыбка, спокойное лицо – на нем тонна грима, но из зрительного зала оно кажется почти ненакрашенным. Один шаг, другой, третий. Ее появление встретили аплодисментами. На ней были платье стоимостью несколько тысяч долларов и туфли на два размера меньше, из-за которых она чувствовала себя сказочной Русалочкой. Обычное дело – девочки подстраиваются под одежду, а не наоборот. Она шла, и все мысленно примеряли на ее голову корону победительницы – потянет ли?

Забавно, каких-то пару месяцев назад ее жизнь была совершенно иной. Сандугаш и представить тогда не могла, что она будет идти по подиуму среди первых красавиц русских городов. Сидела в своей деревне Выдрино на берегу Байкала, жизнь ее была простой, и мечты – тоже простыми, маленькими. И вдруг новая реальность заменила собой привычную, это произошло так быстро, как будто снежный ком прокатился.

Стоя на краю подиума, улыбаясь камерам, она вспомнила лицо человека, с которого все и началось.

Костино лицо.

Микроскопические красные трусики болтаются на щиколотке – китайские, на отложенные копейки купленные, дешевая ткань так царапает кожу, что вот-вот начнется дерматит; томно выгнутая спина, как у модели с обложки какого-то журнала. Сандугаш накануне два часа в ванной репетировала, пока мать не начала стучать в дверь: «Сандугаш, мне пора малышей купать!» Горький сигаретный дым густым облаком входит в легкие. Черт, все-таки закашлялась!

А на краешке постели сидит Костя, ее самый большой секрет.

Они любовники уже целых семь месяцев и двенадцать дней. И все эти семь месяцев и двенадцать дней Сандугаш была так счастлива, что казалось, будто ее тело наполнено веселящим газом. Словно гелиевый шарик, готовый вырваться из рук и, кружась, улететь к высоким облакам.

Как изменила ее любовь!

Была тихая девочка-интроверт, «со странностями», всё жалась по углам, подолгу могла разговаривать только с единственной подругой Ритой.

И вдруг – в глазах огонь, всё время тянет рассмеяться, хочется посмотреть легкомысленное кино и вообще сделать что-нибудь дурацкое – хоть по снегу босиком, хоть танцевать под песенки из советских мультфильмов, хоть накрасить веки изумрудными тенями.

Первая любовь. Первый мужчина.

Но есть проблема. Косте под пятьдесят, и он друг отца Сандугаш.

Если бы дело происходило в большом городе, никто бы и внимания не обратил на этот союз. Но в селе на берегу Байкала свои социальные законы – там и за спиной начнут шептаться, и нелестные эпитеты к ее личности подбирать, и напрямую выражать свое ценное мнение. А уж что будет с отцом, страшно подумать. Как и многие отцы, он не заметил, как Сандугаш выросла. Такое часто случается с мужчинами. Может быть, в этом выражается страх смерти и старческой немощи. Вдруг однажды понимаешь, что твоя любимая дочь – не тот ребенок, который хлопал в ладоши, когда ты возвращался вечером с кульком слипшихся карамелек, а вполне себе взрослая женщина, с грудью второго размера и кошачьей истомой в глазах. На прошлый Новый год отец удивил Сандугаш – подарил ей куклу. Обычную куклу в красивом атласном платье, с уложенными в кудельки волосами и длинными ресничками. И теперь вдруг сказать ему: «Папа, я трахаюсь с твоим лучшим другом, давно, мы любим друг друга и собираемся вместе жить…»

То есть это Сандугаш надеялась, что они с Костей вскоре будут делить одно пространство. Она об этом мечтала. Это представлялось ей естественным развитием событий, почти законом природы. Ведь пока они любовники, им постоянно приходится прятаться, даже не могут погулять вдвоем, зайти в кафе или посидеть на набережной.

Они боялись посторонних глаз. Роман должен быть тайным – так решили оба. Вернее, Сандугаш убедила себя в этом со временем, на самом же деле решение озвучил Костя.

Она приходила, он прямо с порога начинал целовать ее лицо, потом на руках относил в спальню, раздевал бережно, как куклу. После пили чай, болтали о чем-то. Два часа пролетали как минута.

– Я тебя люблю! – вырвалось у Сандугаш.

– А вдруг нет? – Костя легонько щелкнул ее по носу. – В твоем возрасте вообще не стоит любить.

– Что же стоит делать в моем возрасте? – ощетинилась она.

Сандугаш не любила, когда он намекал на разницу в годах. Это как будто бы создавало пропасть между ними.

– Наслаждаться, конечно, что же еще? Хочешь, пожарю гренки с сыром?

– Нет аппетита, – вздохнула девушка. – Я вообще-то серьезно. Я тебя люблю.

– Я понял. Просто о серьезных вещах лучше не говорить с серьезной интонацией. Это всё портит… Я тоже тебя люблю.

– Да? – Она подпрыгнула на кровати, словно током ударенная. – Любишь?

– А как же может быть иначе? – Костя притянул ее к себе и поцеловал в макушку. – Разве можно такую, как ты, не любить? Вот что ты во мне нашла – это вопрос.

– Не говори так!

Костя казался Сандугаш самым прекрасным мужчиной на свете. Красивее, чем Хью Джекман. И чем Бенедикт Камбербетч. На свой возраст Костя не выглядел, у него было тело спортсмена – ни грамма жира, сплошь литые мышцы под золотой от загара кожей. Хотя весь его спорт – физический труд на свежем воздухе. Он работал автомехаником. А прошлым летом старый дом, еще его дедом построенный, подновил и жилую пристройку к нему сделал, практически в одиночку, своими руками.

Сандугаш ждала, когда они в этом доме наконец поселятся вместе. Конечно, она бы предпочла совсем новое жилье, чтобы с чистого листа начать, будто и у Кости нет прошлого. В этом же доме повсюду были незримые следы присутствия других женщин – всех, кого Костя когда-то любил, его бывших жен. И вполне зримые следы присутствия нынешней жены… То есть будущей бывшей. Ничего не поделаешь. Трудно остаться холостяком в пятьдесят, но все-таки мысль о том, что когда-то эти сильные загорелые руки обнимали кого-то другого, была для Сандугаш невыносимой.

Утешало только одно: вера, что она, Сандугаш, для него – первая настоящая любовь. Другие были – просто бабы. Он сам так сказал…

– Когда расскажем отцу? – с деланной небрежностью спросила она.

Сандугаш готовилась к этому разговору три дня, но ей хотелось, чтобы вопрос прозвучал как спонтанный.

Костя как будто бы удивился – густые темные брови поползли вверх.

– Котенок, зачем? Мы же хотели, чтобы это был секрет. Сама знаешь, какие у нас люди.

– Ну и что! Если я тебя люблю и ты меня тоже любишь, какое это имеет значение?

– А что, родители тебя о чем-то спрашивали? Заподозрили что-то? – насторожился он.

– Нет вроде. Им обоим не до того. Мама с близнецами возится и молодость-красоту сохранить старается. А папа… Ты знаешь, какой он. Но я надеюсь, что он не будет против, если я уйду из дома. Я все-таки уже взрослая. Он уже говорил со мной о замужестве.

– Уйдешь из дома?!

– Я бы хотела жить с тобой, – твердо сказала Сандугаш, и лицо ее в тот момент было таким спокойным – никто и не заподозрил бы, что сердце бьется, как у

пойманного голубя. Волновалась она больше, чем перед тестами ЕГЭ.

– Но котенок… Тебе не понравится. Я скучный и мрачный. Я хочу быть твоим праздником. Не хочу однажды прочитать в твоих глазах «ты мне надоел, старый дурак».

– Этого не будет никогда! – Сандугаш обхватила руками его шею, и Костя, легко подняв ее, закружился по комнате.

Как же хотелось продлить этот момент на целую вечность! Застыть в нем, как муха в янтаре. Ее отец однажды рассказывал о самадхи – буддийском блаженстве, в которое навсегда погружается каждый, кто достиг просветления. Так вот же оно, блаженство. Близость этого человека, запах его волос, сила его рук.

– Подожди еще отцу говорить, – сказал Костя, разрушая все волшебство мгновения. – Подожди, пока я с Маринкой разведусь. Надо все же как-то по-человечески… Не могу я так с ним – ножом в спину. А то, что я с тобой, это – как нож в спину.

«А меня ножом в спину – можно?» – обиженно подумала Сандугаш. И, смиряясь, вздохнула: отца ее, Бату Номгоновича Доржиева, уважали все. Шаман – как не уважать? И конечно, ранить его чувства Костя боялся больше, чем расстроить Сандугаш. Но если, несмотря на все его уважение к шаману и другу, Костя стал ее любовником – значит, и правда любит.

Сандугаш была самой красивой девушкой в селе Выдрино. Все о ней с детства говорили: «Не нашего полета птица». Такой бы с обложек улыбаться, а не морковку в огороде полоть. Сандугаш, правда, и не полола: огорода у них не было, только грядки с отцовскими лекарственными травами, до которых он никого не допускал. Но все равно видеть такую красоту на выдринской грязной улочке, шагающую в обляпанных резиновых сапогах к автобусной остановке, уже казалось странным, почти кощунственным.

Красота Сандугаш не нуждалась в оправе – ей не нужны были косметика, дорогая одежда, французские шампуни, замысловатые духи. Она и так была драгоценностью, сама по себе. Вечная принцесса и Снегурочка всех детских

утренников.

Мама у нее была русская, папа – бурят, и в результате смешения кровей Сандугаш получила красоту, выстроенную на контрастах, а оттого особенно выразительную. Нежный овал лица и резко выступающие скулы, как у Анджелины Джоли в роли Малефисенты. Четко очерченный, пухлый рот и тонкий нос с горбинкой. Белая кожа и длинные восточные брови. Глаза у Сандугаш были узкие, как у отца, но серо-голубые – в маму. Если что-то голубое или синее надеть, хоть шарфик на шею, – серый цвет из глаз совсем исчезал, растворялся в чистой голубизне. Блестящие, гладкие черные волосы Сандугаш заплетала в простую косу, и даже такая прическа ей была к лицу, а уж если волосы распустить – она становилась похожа на красавиц с иллюстраций к бурятскому эпосу «Гэсэр». Только лучше. Потому что красавицы из эпоса были все же толстые, если смотреть на них с позиции сегодняшней моды. А Сандугаш была тоненькой, так что ее русская бабушка ворчала: «Ручки-ножки – паучьи, что не съест – как не в нее, должно быть, в девке глист сидит, сама как глиста…» Когда Сандугаш было десять, бабушка ее этими своими размышлениями про пауков и глистов доводила до слез. А потом Сандугаш привыкла, мимо ушей стала пропускать. Она радовалась своей худобе, потому что это было модно. Потому что это было красиво.

Да, Сандугаш знала, что она красивая. Но у нее не было амбиций, связанных с красотой. У нее вообще, кажется, никаких амбиций не было. С самого детства на тривиальный вопрос: «О чем ты мечтаешь?» – она без колебаний отвечала: «Быть счастливой!»

Сандугаш старалась жить так, чтобы каждая минута существования утверждала в ней внутреннее счастье. Некоторые считали ее немного заторможенной, но Сандугаш всего лишь была гурманом – ей нравилось смаковать каждый момент. Иногда она выходила во двор, подставляла лицо мороси и так стояла с улыбкой. Приятно, как будто само небо тебя ладошками гладит. Она все делала медленно, старалась не упускать деталей. Медленно читала, медленно ела, медленно и долго гуляла по берегу Байкала.

Озеро как живое существо, как древний бог. На него можно смотреть часами, и оно никогда не бывает одинаковым. У Байкала сотни лиц. А летом хорошо разбежаться и с визгом броситься в его ледяные прозрачные глубины. Зимой Сандугаш иногда ложилась на лед и смотрела в его толщу. Словно что-то разглядеть надеялась – каких-нибудь призраков. Ей казалось романтичным, что

там, внизу, есть жизнь, закованная в лед.

Рита – единственная подруга и единственный конфидент. Полная противоположность Сандугаш. Противоположности часто притягиваются – закон природы. Сандугаш – молчаливая, серьезная, тихая. Рита – огонь, взрыв и катастрофа. И внешность у нее огненная: глаза-угли, копна смоляных, кое-как причесанных волос, цыганская смуглость, пышные формы. А энергетика такая чистая и сильная, что внешний облик теряет всякий смысл. Такие, как Рита, могут быть любыми – великаншами, карлицами, анорексичками, толстухами, дивами или уродами. Никто и внимания не обратит, через пять минут про их наружность все забудут.

А еще Рита была прямая и честная: что на уме, то и на языке. За это ее многие не любили – такая не будет миндальничать, выскажет все как есть. Сандугаш к ее мнению прислушивалась, часто советовалась о чем-то.

Костя подруге не нравился категорически.

– Он тебя обманывает!

– Ну почему ты так решила, Рита? Вы даже толком не знакомы, как ты можешь такое говорить!

– Да мне достаточно один раз в его лицо посмотреть, Сандугаш. У него глаза лжеца. Такой взгляд ни с чем не перепутаешь.

– Ему нужно время, чтобы развестись с Мариной. И чтобы, когда отец все узнает, мне было куда уйти.

– Все они всегда говорят, что им нужно время, что жену не любят или что она больная. А о том, что сначала нужно, чтобы Юлечка ихняя в школу пошла, ну, и школу окончила, он еще не говорил? Даже странно. Обычно такие детьми прикрываются… Впрочем, нет, такие, как он, на детей плюют. Ему не плевать только на собственное удобство. С Маринкой удобно, ею он может помыкать как хочет. А с тобой это не пройдет. Если вы поженитесь, ему придется иметь дело еще и с твоим отцом. Зачем это Косте?

– Потому что он меня любит.

– Это временное явление. И Костя, с его многоразовым брачным опытом, знает, что любовь – не навсегда. Даже семья не навсегда. Только он у себя любимого навсегда. Сейчас наверняка напряженно думает, как от тебя отделаться, чтобы никого не обидеть. Сладенького отведал, не мог удержаться, но платить не хочется.

– Ты просто злая.

– Есть такое. – Рита погладила подругу по предплечью. – Не обижайся, зай. Ты же знаешь, я просто хочу, чтобы ты была по-настоящему счастливой. И считаю, что на хер тебе не нужны ни этот Костя, ни это село, ни этот местечковый мирок.

– А что мне нужно? Принц Монако и Голливуд, как Грейс Келли? – грустно улыбнулась Сандугаш.

– Хотя бы, – ничуть не смутилась Рита. – Посмотри на себя в зеркало! Ты необычная. Не такая, как все. Такая внешность встречается один раз на миллион. Да на ней надо деньги делать! Имя себе зарабатывать! Тебе нужно как минимум в Москву ехать! А еще лучше – в Париж или в Нью-Йорк!

– Как будто ты что-то понимаешь в этих Парижах… Рит, наивная ты. Просто хорошо ко мне относишься, вот тебе и кажется, что я суперзвезда. Нет, не спорю, я знаю о том, что красива… Но где я, а где девчонки, которые для обложек позируют. Смешно же!

– И ничего смешного! – Рита полезла в сумку – старую, облезлую сумку с клеенчатыми ручками, проплешины на которых она подкрашивала черным фломастером. – Смотри, что я для тебя распечатала.

Сандугаш развернула врученный ей скомканный листок. Это было объявление. «Приглашаем девушек на кастинг самого престижного конкурса красоты “Мисс Страна”».

– Что это?

– Ты должна поехать туда!

– Рит, спятила? Это же в Москве!

– Ну и что? У тебя же есть какие-то деньги отложенные. У меня тоже двести долларов, откладывала на лето, думала в Турцию сгонять. Я тебе одолжу, а потом ты мне вернешь. Читала, какой там главный приз? Миллион рублей!

– Безумие какое-то…

– И ничего не безумие. Покупаешь билет на самолет, в Москве снимаешь комнатку. Я все узнала! Главное – первый кастинг пройти. Дальше вас заселят в пансионат, потом сам конкурс – и все! Вернешься обратно с миллионом и громким именем. А потом… – Рита мечтательно закатила густо подведенные глаза. – Потом мы с тобой в Европу поедем. Ты звездой станешь, а я буду твоим менеджером. А то тебя обманут. А я не дам.

– Господи, Ритка, какая же ты дурында у меня! – Сандугаш притянула подругу к себе и взъерошила ее и без того лохматые волосы. – И как дитя. Там же все куплено, на конкурсах этих. Все это знают! И какая из меня модель? Это совсем не моя жизнь. Я бы хотела остаться здесь, хотела бы свой дом… Поступлю в педагогический, в школу работать пойду. С Костей распишемся…

– Дура. – Рита смачно сплюнула под ноги. – Просто дура. И за что я только тебя, дуру такую, люблю?

Если бы Ритка знала, почему Сандугаш так боится больших городов, что от одной мысли о поездке в Москву ее охватывает ватная дурнота!

Если бы Сандугаш знала, что совсем скоро лишь мысли о призовом миллионе удержат ее от того, чтобы набить карманы камнями и броситься в Байкал…

Если бы не Костя…

Любимый.

Ради него она готова была пройти все, что угодно.

Броситься в Байкал было бы легче, чем выйти в яркий свет прожекторов…

Но Сандугаш это сделала. Вышла в свет, в рев, в грохот. И улыбалась. Улыбалась!

Часть первая

Соловей

Глава 1

Сандугаш было пятнадцать лет, когда она впервые увидела во сне убийство.

Когда впервые во сне убили – не ее.

К тому, что время от времени ей приходится переживать в снах собственную смерть, она привыкла, насколько вообще к такому можно привыкнуть.

Убийство незнакомой девочки стало для нее новым, неизведанным прежде ужасом.

Девочке было лет одиннадцать, не больше. Сандугаш отчетливо видела ее розовые резиновые сапожки, джинсы со стразиками, розовую куртку с опушкой из искусственного меха, покрасневшие руки без перчаток, пальцы с обкусанными ноготками, выкрашенными ярко-розовым лаком… Видела девочку словно бы глазами самой девочки. Отражение в зеркале: круглое румяное лицо, русая челка, волосы быстро пачкаются, и почему такие толстые щеки?

Острое чувство недовольства своей внешностью, которое для девочки было еще в новинку…

Потом – на прогулку, и все забыто, радость от бега, от игры со сверстниками: их лица были расплывчаты, правил игры Сандугаш во сне не поняла, но чувствовала легкость и радость. А затем – усталость и холод, когда девочка в розовой куртке шла вдоль дороги, возвращаясь от подруги. И еще чувствовала, как надвинулись тьма и жуть, когда девочка согласилась сесть в машину. Незнакомая пара, мужчина и женщина, предложили ее подвезти.

Бабушка говорила этой девочке: не садись в машину к незнакомым мужчинам. Но тут за рулем была женщина, а мужчина – на сиденье пассажира. Раз женщина, то не страшно, можно.

Девочка замерзла, устала, проголодалась и хотела домой… Сандугаш чувствовала все это за нее. Переживала свой собственный ужас. Даже пыталась там, во сне, покричать девочке: «Нет, не делай этого, не садись в машину, нельзя!» – но девочка ее не слышала…

И потом, когда мужчина и женщина завезли девочку в лес, когда женщина, смеясь, набросила петлю из ремешка на шею девочке, а мужчина хотел сделать с ней плохое, когда девочка отбивалась ногами в розовых резиновых сапожках, пока не потемнело в глазах, пока самым главным не стала жажда воздуха, хотя бы маленького глоточка, и совершенно все равно, что этот дядька стягивает с нее джинсы… Сандугаш чувствовала все.

Она проснулась, хрипя от ужаса и удушья.

Резко села на кровати.

Потянулась за стаканом с водой. Она всегда ставила его на ночном столике – уже привыкла так просыпаться и знала, что ободранному хрипом горлу понадобится глоток воды.

Но прежде всегда жертвой была она сама. Впервые случилось так, что в ее сне насиловали и душили кого-то другого. Что она видела жертву и сама была этой жертвой, видела преступников – и они были реальными, здешними, из этого мира, из ее времени… Именно их реальность и современная одежда напугали Сандугаш больше всего.

Ведь кошмары, которые снились ей прежде, всегда приходили с легким флером иномирности, с ощущением, что все происходит хоть и с ней, но не здесь и не сейчас.

И еще одно отличие было в этом новом кошмаре. Цвет глаз преступников. У женщины они были карие, у мужчины – темно-серые. Ни один из них не был Белоглазым. Ни один не был тем, кто преследовал Сандугаш во сне с раннего детства.

В тот день Сандугаш задержалась в школе после уроков. В библиотеке долго ждала, когда освободится место у старенького компьютера, который был подключен к Интернету. Когда пришла ее очередь, сначала искала информацию для сочинения по теме «Бурятский героический эпос “Гэсэр”» – пока не убедилась, что никто не интересуется результатами ее поисков, никто не стоит за спиной. Тогда вбила в поисковик Яндекса: «девочка розовая куртка изнасилование убийство в лесу». То, что выдал поисковик, не имело отношения к той девочке, которую она видела во сне, и Сандугаш осмелилась понадеяться, что сон был такой же непостижимой фантазией, как и Белоглазый… Но подумав, она набрала: «пропала девочка розовая куртка джинсы со стразами розовые сапожки». И сразу нашла ее. Девочку из сна. Узнала на фотографии.

Оказывается, она была хорошенькой, эта девочка, Катя Симачева одиннадцати лет. Сама себя в зеркале она видела щекастой дурнушкой. А если со стороны смотреть – очень даже симпатичная. Катя пропала, когда возвращалась от подруги в родное село. Ее искали. Ее еще не нашли…

Может, и не найдут, если убийцы хорошо ее спрятали.

Сандугаш стерла историю поиска, встала из-за компьютера, подошла к окну.

Шел мокрый снег. Темнело. В стекле отражалось ее собственное лицо. Красивое. Очень красивое.

Сандугаш была самой красивой девочкой в двух параллельных классах. А может быть, и во всей школе. Ей даже не приходилось соперничать с другими девчонками, и они никогда не пытались ее травить от зависти. А парни не решались к ней приставать, как к остальным. Она была вне всех этих школьных

игр. И иногда даже жалела об этом. Потому что причиной было не какое-то особенное уважение сверстников к ней лично… Причиной был страх перед ее отцом.

Сандугаш была дочерью шамана.

Поэтому она видела страшные сны.

Поэтому она видела сегодня настоящее, уже свершившееся убийство, жертву которого еще просто не нашли, а убийц, возможно, никогда не найдут…

А ведь она могла бы их опознать. И даже помочь составить фоторобот! Если бы можно было пойти в полицию и рассказать, как все случилось… Ведь она видела, точно видела Катю Симачеву, с которой никогда и знакома-то не была, потому что та жила слишком далеко, чтобы их пути хоть где-то, хоть при каких-то обстоятельствах могли пересечься. Она видела Катю. И запомнила лица ее убийц. Вряд ли ей удастся найти место в лесу, где все это произошло, но если во всех подробностях вспомнить сон… Сандугаш зажмурилась. Вызвала в памяти тот момент, когда машина свернула с шоссе. Нет, бесполезно.

Что же делать? Нельзя молчать! Она видела убийц!

Сандугаш подхватила сумку с тетрадями, метнулась в раздевалку, торопливо скинула туфли-сменку, натянула резиновые сапоги (в их местах все с сентября по май ходили в резиновых сапогах), рывком надела пуховик и побежала домой. То есть сначала на остановку автобуса, где долго топталась и злилась, что автобус не идет, никак не идет, потом еще двадцать минут автобус полз по раскисшей дороге до Выдрино, потом она мчалась от остановки до родного дома…

Дом у родителей Сандугаш был хороший. Новый кирпичный на месте старого деревянного они отстроили одними из первых в селе. Нельзя сказать, чтобы Доржиевы были состоятельными, нет, не так, как владелец магазинчика Симаков, или сын бывшего председателя колхоза Цибиков, или старики Номоевы, чей сын уехал в Улан-Удэ и стал бизнесменом. Но все же Бата Номгонович Доржиев своим древним потомственным искусством зарабатывал достаточно, чтобы неплохо обеспечивать себя, жену и единственную дочку.

Неплохо по выдринским меркам, но это лучше, чем у большинства.

Переезжать в многоквартирные дома отец отказывался – ему нужен был свой дом, с отдельной комнатой, где можно принимать тех, кто пришел на поклон к шаману. И он дождался времени, когда удалось наконец построить себе жилище, такое, какое нужно. Средства у него на это были, а чего не хватало, то дали односельчане. Даже просить не пришлось. Сами принесли. Потому что – шаман.

Шаманы в Бурятии были всегда. И будут всегда. Советская власть в этом плане ничего не изменила: священников и лам ссылали в лагеря, где они и пропадали навеки, а шаманов не трогали. Боялись. Да и спрятаться шаману было легче – его искусство и его служение не требуют открытого признания, как у тех, кто славит Христа или Будду. Достаточно было солгать новой власти – да, дескать, перевоспитался, осознал, больше не буду, – устроиться на любую, самую простую, низкооплачиваемую работу, и всё, можно дальше жить, как прежде. И с духами говорить, и врачевать. Односельчане сами прикроют от чужаков, если что.

Когда революция случилась, в Выдрино был не шаман, а шаманка. Не старая еще. Она даже согласилась обучаться грамоте с другими женщинами. Понимала: новая власть сильная и надолго, надо притвориться, пригнуться, спрятаться… Работать пошла на звероферму. Но на самом деле за нее всегда работали другие, а она, как прежде, оставалась шаманкой, всеми чтимой. Потом, когда состарилась, из своей большой семьи, из множества внучатых племянников, выбрала самого способного и выучила.

Он всю жизнь проработал сторожем, но был шаманом, и к нему на поклон даже коммунисты местные ходили, те, кто в силу древних духов верил больше, чем в грядущее торжество мировой революции.

Тот шаман женился: шаманки замуж идут редко, а шаманы почти всегда женятся. И дети у него были, а когда состарился, правнука своего обучил – Бату Доржиева, отца Сандугаш.

Сандугаш в отцовскую приемную комнату заходить было запрещено. Но конечно, как любой любопытный ребенок, она туда заглядывала украдкой… Там стояли простой стол и грубые табуреты, на стене висели бубен и отцовская

шаманская шуба, сшитая из кабаньей кожи и кабаньего жесткого меха. Кабан был духом-хранителем шамана: хороший зверь, сильный, свирепый, надежный защитник. В темноте большого шкафа хранились готовые мази и настои. Не все шаманы искусные травники, но Бата Доржиев травяной наукой легко овладел. Запасы трав хранились в кладовой, а жир, медвежий и сурковый, – в подполе. В комнате, кроме бубна, шубы и мебели, больше ничего не было. И совсем никаких украшений.

Когда-то Сандугаш увидела по телевизору интервью с шаманкой и подивилась, как роскошно убрана у той комната, где она принимала посетителей, в том числе журналистов: и на полу шкура, и по стенам шкуры, и ложе под меховым одеялом, и пуфики из узорчатой кожи, и рога оленьи на стенах, и сама шаманка вся разряженная… У отца Сандугаш спросить не осмелилась – спросила у мамы: «Почему наш папа так красиво не одевается? Почему к нам не пришли журналисты, а к ней пришли?»

Мама объяснила, что та женщина – не настоящая шаманка. Настоящие шаманы никогда не бахвалятся своим даром и своей силой, не дают никаких интервью, не объединяются в «Союзы шаманов Бурятии». Шаман – всегда одиночка, со своим бубном, со своим духом, и знают о нем только те, кому положено, то есть люди, для которых он говорит с духами и за которых у духов просит.

Маму Сандугаш звали Надеждой, красота ее была бело-розовой, нежной, сияющей. Волосы – облако золотистых кудрей, глаза – большие и светлые, на щеках – чуть асимметричные ямочки, для современных понятий о красоте полновата, но так папе больше нравилось. Тихая, ласковая, она нигде никогда не работала, с удовольствием хлопотала по дому и холила свою красоту: никаких покупных кремов, только пахнущие медвежьим жиром и травами мази да горькие целебные отвары, которые ее муж сам готовил. Горе за всю жизнь у нее одно было: когда много лет не удавалось родить мужу желанного сыночка. После рождения Сандугаш мама никак не могла забеременеть. В конце концов и эту проблему Бата Номгонович решил с помощью духов: на трое суток увел жену в лес… Вернулась Надежда бледная и словно бы в ступоре, сразу легла, проспала целые сутки, а когда проснулась – отказалась говорить Сандугаш, что в лесу случилось. Но Сандугаш уже привыкла к тому, что ей не рассказывают про отцовские шаманские дела. Хотя все равно спрашивала – а вдруг повезет? Изредка ведь получалось что-нибудь выведать… Однако о том, что в лесу было, мама решительно не желала говорить, а потом оказалось, что она беременна и ее нельзя волновать. Родилась двойня, оба мальчики. Назвали в честь дедушек:

Петр и Номгон. Сейчас им было полтора года, и мама полностью погрузилась в заботы о них. Уставала. Отец позволил бабушке, своей теще, приходить и помогать, хотя прежде в доме не терпел присутствия даже ближайших родственников.

Сандугаш любила свою русскую бабушку Нину Сергеевну: с ней весело, можно и сериал обсудить, и модный журнал вместе полистать, повздыхать над фотографиями, и вообще бабушка вела себя, как правильная мама – и расспросит, и похвалит, и поругает. А мама была… Сандугаш не сразу даже смогла сформулировать для себя, что не так было с мамой, ведь это ее мама, ее изначальная данность. Но все же, подрастая, глядя на матерей подруг, она поняла, что ее мама – не такая, как они. Слишком погружена – и даже не в себя, а в супружество, в мужа, в свою к нему любовь, в служение. Она делала все, чтобы Сандугаш росла хорошей, достойной дочерью, вкусно ее кормила, чисто и нарядно одевала, рано начала приучать к домашнему хозяйству. Но все это она делала, словно бы душу не вкладывая, потому что не для Сандугаш старалась, а для Баты, чтобы он был доволен.

Сегодня бабушка опять гостила – Сандугаш, едва вошла, услышала ее звонкий голос и попискивания близнецов, откликавшихся на него. С кухни вкусно пахло запеченным мясом и тестом, значит, мама готовит, а бабушка с мальчишками сидит. В обычный день Сандугаш, едва скинув сапоги, побежала бы наверх, к бабушке, к братьям, которых обожала. Малышей затискать, пощекотать, обцеловать смуглые сладкие щечки. Бабушку обнять, вдохнуть запах ее духов, наговориться всласть, отвечая на миллион ее вопросов… Сандугаш даже показалось, что сквозь кухонные запахи она чувствует сладкопряный аромат «Estee» – эти духи бабушка когда-то давно за огромные деньги купила в Москве вместе с косметическим набором, в котором имелись коралловая помада, пудра, тени, румяна и тушь для ресниц. Коробка от уже давно использованного набора все еще хранилась у нее, и иностранные слова «Estee Lauder» для маленькой Сандугаш смотрелись заклинанием из далекой красивой жизни… На флакончики «Estee» бабушка копила, покупала их снова и снова. Она, хоть и работала до пенсии всего лишь кассиршей в сельском магазине, благодаря зятю не бедствовала. Даже могла накопить на духи, за которыми теперь в Москву ездить не надо было: все можно купить с доставкой по почте… Понятие дефицита исчезло, но во весь рост встало понятие дороговизны. Цена на флакончик любимых духов для простой пенсионерки из поселка Выдрино непомерная. Только Нина Сергеевна Антипова простой пенсионеркой не была: она была тещей шамана. Сам Бата, кстати, терпеть эти духи не мог и вообще не одобрял парфюмерию. Он любил только натуральные запахи, и у мамы парфюмерии не

водилось, от ее волос пахло травами. Бабушка, как и все уважавшая шамана, тоже не душилась, когда шла в гости к зятю, но «Estee» пропитали ее волосы и одежду, так что от бабушки все равно ими пахло – уютный любимый аромат, от которого обычно у Сандугаш радостно щемило в груди, а сейчас вдруг захотелось заплакать.

Сандугаш не пошла к бабушке. Не пошла и к маме. Она сделала то, что позволяла себе очень редко: пошла к отцу.

К счастью, он был не в своей приемной, а в общей комнате, сидел на диване в спортивном костюме, читал журнал «Вокруг света», и тот, кто не знал, что он шаман, ни за что бы не догадался об этом – так обыденно Бата сейчас выглядел. Только глаза – пронзительный взгляд словно насквозь протыкает и крючьями тянет из души все скрытое. Даже если и не собираешься от него ничего скрывать. Просто он по-другому смотреть не может. Глянул на Сандугаш – и отложил журнал.

– Садись. Рассказывай.

Сандугаш села, куда отец указал – на диван, возле его ног, – и принялась рассказывать, разглядывая узоры на отцовских шерстяных носках.

– Папа… Я опять видела страшный сон. Но не Белоглазого. Других. Девочку видела, как она в зеркало на себя смотрит, с подружками играет, потом идет по дороге и садится в машину к чужим. Там были мужчина и женщина, они ее завезли в лес. Мужчина насиловал, а женщина держала, и ремешок ей на шею набросила, и задушила. Папа, эта девочка – настоящая, она не из других времен, она из сейчас! Ее ищут, не нашли еще. Я в Интернете посмотрела, нашла все, имя нашла, фото… Катя Симачева, одиннадцать лет. И убийцы – я же их видела! Может быть, можно как-нибудь?.. Я бы дала описание, а в полиции есть специальные художники, которые по рассказу могут нарисовать портрет…

Наконец она подняла взгляд от носков к лицу отца. Взгляд его больше не был пронзительным – он стал непроницаемым, словно за толстым темным стеклом укрылся. Сандугаш знала: сейчас отец скажет «нет». И неизвестно, объяснит, почему «нет», или не станет, и ей придется с этим «нет» смириться.

– Значит, теперь ты видишь то, что происходит не с тобой? – уточнил отец.

– Да. Теперь вижу. Один раз, сегодня ночью, увидела. – Сандугаш была слишком взволнована тем, что нашла девочку из сна, и даже не задумалась: а ведь и правда, ее дар изменился, раньше она видела во сне только себя, свои муки, свою смерть!

Раньше во сне убийцей всегда был Белоглазый, а жертвой – она.

– Сандугаш, специальные художники есть в иностранной полиции. А в нашей милиции… полиции… разве что в больших городах. Да и не станет никто тебя слушать и со слов твоих рисовать. Ты не свидетель. Сама подумай: тебе сон приснился. Даже если ты видела то, что на самом деле творилось, доказать это нельзя. И даже если ты поговоришь с человеком, который поймет, что у дочери шамана может быть такой вот непослушный дар, позволяющий ей видеть что-то про других людей, у этого человека будет начальник, который не верит, и этот человек побоится идти к начальнику с отчетом. А у них же там всё бумажки да отчеты, отчеты да бумажки. Им проще тебя отправить прочь.

– Но я видела убийц! Я могла бы помочь их найти! Они убили девочку! Они же снова…

– Да. Скорее всего, они убьют снова. Стоит один раз безнаказанно убить – и зверь внутри опять запросит крови. Но полицейским легче на кого-нибудь повесить это убийство. Или они начнут искать улики, следы, свидетелей. Но никто не станет рисковать карьерой и работать с ясновидящим.

– В Америке работают.

– Редко. Рискуя карьерой. И то в Америке. Еще хорошо, что сейчас человека трудно отправить в больницу для сумасшедших, а то раньше за ясновидение и предвидение вполне могли упрятать.

– Тебя же не упрятали…

– Я полиции помогать не лезу. Я шаман среди своих людей. Свои люди знают, чужие – нет. И это правильно. Та девочка не из наших людей.

– Все равно жалко…

– Всех жалко. Но всем не поможешь. Есть свои люди, есть чужие, это надо всегда помнить.

– А если бы она была из своих, ты позволил бы мне в полицию пойти?

– Если бы она была из своих, я бы сам тебе помог и тело найти, и убийц. Только к нашим людям они не сунутся. Я хороший шаман, и Кабан хорошо охраняет моих людей. Тех, кто из Выдрина, из Прокоповки, из Сегла – из всех деревень, где наши люди живут. Любой чужой почует его клыки и испугается. Даже не веря, не понимая, почует. Нашу девочку, если бы она в машину к ним села, они бы не тронули. Передумали бы. Сами бы не знали почему, но передумали. Потому что в Выдрино всегда жили шаманы. Местные шаманов уберегли. Наш род уберегли. А мы их бережем. Наследника себе выберу, воспитаю – он тоже беречь будет, если сможет сильного духа вызвать… Дух в наше время нужен сильный. Не птичка-соловей. Кабан нужен. Росомаха. Медведь. Собака. Рысь. Даже волк, если приручить. А соловей – слабый дух. Хотя дар у тебя большой. Жалко. Но не буду тебя учить. Дух слабый. Не защитник. А жизнь женскую свою потеряешь. Мужчины могут быть шаманами и жить человеческой жизнью. Женщины не могут. Женщины полностью отдаются – или духу, или мужу и детям. Иначе нельзя. Ты моя дочь, мне тебя жалко. Хочу, чтобы ты отдавалась мужу и детям, Сандугаш. А соловей твой со временем утихнет.

– Пока он поет все громче, – прошептала Сандугаш.

– Пока ты еще девочка. Станешь женщиной – утихнет. Дитя родишь – замолчит, перестанет тебя посещать.

Спорить с отцом, вспоминая тех немногих шаманок, которые смогли и замуж выйти, и дар сохранить, Сандугаш не стала. Впрочем, в одном он точно был прав: о шаманках, родивших ребенка и сохранивших дар, никто и не слыхивал. Сандугаш только вздохнула, отгоняя слабый призрак Кати Симачевой, чьих убийц она видела так же ясно, как своего собственного…

Белоглазый. Отец обещал, что он тоже перестанет тревожить сны Сандугаш, когда она станет женщиной и родит дитя. И хотя девочка привыкла во всем отцу

верить, она не надеялась когда-нибудь избавиться от Белоглазого. Он был всегда. Невозможно представить, чтобы он – и вдруг исчез.

Белоглазый снился Сандугаш в кошмарах с самого раннего детства. С тех пор, как она начала осознавать и запоминать свои сны, в них присутствовал он, мужчина с белыми волосами и белыми глазами – так Сандугаш описывала своего ночного мучителя родителям. Потом для краткости прозвала его Белоглазым.

Русских в поселке Выдрино было много, но ни одного такого ярко выраженного блондина с пепельно-белыми волосами и светлыми до прозрачности глазами. Нигде она такого человека не встречала. Только во сне.

То, что Белоглазого можно назвать красивым, Сандугаш осознала, когда подросла и у нее сформировалось понятие о красоте: лицо у него было тонкое, черты чеканные, он был похож на тех актеров, которые в старых фильмах, обожаемых бабушкой Ниной, играли белогвардейцев… Но ни на кого конкретно. Просто если уж его в кино снимать – обязательно в роли белогвардейца.

То, что мужчина был молод, Сандугаш поняла, повзрослев достаточно, чтобы двадцатипятилетний для нее был уже не просто «взрослый дядя», а, пожалуй, «парень». Молодой красивый парень со светлыми глазами, странно подстриженными светлыми волосами и тонкой ниточкой усов над верхней губой снился Сандугаш и наполнял ее сны кошмарами, ощущением ужаса, преследования, предвкушением боли и смерти. Психологов у них в поселке не водилось, но отец расспрашивал ее о снах дотошно, получше любого мозгоправа, и выяснил только то, что ни в кино, ни в книжках, нигде в реальной жизни Сандугаш не встречала человека, которого боялась. Как только отец это понял, он перестал ее расспрашивать. И запретил сны рассказывать.

«Перестань о нем думать. Этим ты его кормишь. Увидишь его во сне – убегай, как всегда. И все. Чем меньше думаешь днем – тем лучше».

Сандугаш старалась думать о ночном преследователе пореже, но не удавалось. Она боялась его даже днем. Боялась наступления ночи. Боялась, что он ей приснится.

К счастью, он приходил не каждую ночь. У Сандугаш бывали и просто сны, без кошмаров, без преследования, без белоглазого человека. Обычные детские сны,

в которых она летала или переживала что-то повседневное… Невозможно было предсказать, когда ей явится кошмар. И в конце концов она к этому просто привыкла. Как привыкают к постоянной боли.

Когда ей исполнилось двенадцать лет и у нее начались ежемесячные кровотечения, сны изменились. Они стали тяжелее, мрачнее. Теперь черты Белоглазого она видела ясно и четко, а просыпаясь, долго не могла изгнать его образ, словно отпечатавшийся на внутренней стороне век. Сандугаш разглядела его одежду: что-то странное, несовременное, серо-голубое. Иногда он являлся, покрытый мехом, светло-серым, волчьим. Порой и сам оборачивался волком с белыми глазами… Он бежал за ней вдоль берега Байкала. Она увлекала его в лес. Он бежал за ней, и она знала, что когда-нибудь он ее в конце концов настигнет. Схватит. Запустит в нее когти, и зубы, и нож. Повалит ее на землю, срежет с нее одежду, скрутит ей руки за спиной, сильно и больно разведет в стороны бедра и врежется, ворвется в ее тело, сначала – там, снизу, потом возьмет в руки нож и будет полосовать ее кожу, пока ему не надоест, и тогда он запустит пальцы в ее волосы и запрокинет ей голову назад, и она уже не сможет дышать – захлебнется!

Сандугаш просыпалась с хриплым криком. И долго жадно ловила ртом воздух, наслаждаясь тем, что может дышать.

Она была уже достаточно большая и понимала, что во сне Белоглазый ее насиловал. Другие девочки ей рассказывали, что видят неприличные сны, от которых получают удовольствие. Ее сон был неприличным, но удовольствия она не получала.

В четырнадцать лет Сандугаш впервые насладилась сном, в котором присутствовал Белоглазый. Но не в тот момент, когда он овладевал ею, врезался, вбивался в ее тело – нет, это было больно и страшно. Удовольствие – неописуемое, непостижимое – пришло, когда он перерезал ей горло ножом, но она впервые не задохнулась, не захлебнулась собственной кровью, а каким-то образом смогла вырваться, вылететь через собственный распахнутый рот, крохотной птахой вспорхнуть к вершинам самых высоких деревьев и увидеть далеко внизу свое тело, тонкое, белое, окровавленное, разметавшиеся черные волосы – и Белоглазого, бессильно рычащего, воющего, рыдающего… Она летела и пела, и это было счастьем.

Проснувшись, Сандугаш еще какое-то время лежала, не открывая глаз и стараясь удержать в себе то чувство, которое подарил ей сон. Этот новый полет был приятнее, чем прежние детские сны. Новый полет был сладостным рывком к истинной свободе, который она могла прочувствовать, а словами описать не сумела бы.

Отец говорил, что ее дух – Соловей.

Говорил, что она могла бы стать шаманкой.

Что дар у нее большой, раз пробудился так рано.

И дух ее дожидался и пришел к ней сразу в миг рождения, ведь отец даже имя ей выбрал такое…

«Сандугаш» означает «соловей». Не на их языке, на чужом. Но имя само просилось, щебетало, пелозаливалось и не оставляло отца в покое, пока он не решил: девочку будут звать именно так. Про себя он называл ее соловьем на бурятском языке: «алтан гургалдай». Но ни разу не произнес этого вслух.

Сандугаш во сне видела себя шаманкой, вызывавшей духа маленькой серой птички. Ясновидящего духа, предвидящего духа, приносящего дождь, солнце, плодородие своим пением, исцеляющего духа, всем хорошего, за исключением одного: не могла маленькая серая птичка быть защитником. Ни себе, ни своей шаманке, ни людям, для которых шаманка просила дождя, солнца, плодородия, которых исцеляла и которых пыталась защитить от белоглазого волка…

Глава 2

– Рост слишком маленький. Вы очень красивая девушка, но метр шестьдесят пять – это мало. Вы потеряетесь на подиуме, вас не заметят. Мне очень жаль.

– А как же Кейт Мосс? – Стоявшая перед Марианной прехорошенькая девушка изо всех сил старалась сохранять на лице спокойствие, хотя было очевидно, что она готова расплакаться.

Слишком молода, слишком эмоциональна. Не боец. Не личность. Одна из многих, кого как магнит притягивает красивая жизнь модели. А что они знают о той жизни? О ее соблазнах, о пахоте без надежды на результат, о десятках кастингов в день, сбитых в кровь ногах, вечном разочаровании и клейме «слишком старая», которое все чаще будут ставить на тебя, едва тебе исполнится двадцать три.

– Кейт Мосс – исключение, – промурлыкала Марианна, откидываясь на спинку своего шикарного офисного кресла.

Некоторые владельцы модельных агентств получали извращенное моральное удовлетворение от того, что «ставили на место» таких вот девушек, пришедших за синей птицей, но не соответствовавших строгим внешним параметрам, которые должны быть у охотницы за оной. Модельный мир жесток, неженкам здесь не место. Красавица, которой на улице вслед оборачиваются, может здесь услышать о себе всякие нелестные и обидные вещи, вроде «У тебя кривоватые ноги, нужен аппарат Илизарова!» или «С такими поросячьими глазками о съемках можешь забыть, максимум каталоги или подиум». Сама Марианна работала моделью почти двадцать пять лет до того, как создала собственный бизнес. Сначала основала небольшое агентство, потом серию вошедших в моду конкурсов красоты; самым раскрученным был «Мисс Страна». Марианна знала все о модельном мире. У нее была «чуйка» – беглого взгляда на очередную девочку хватало для того, чтобы с точностью экстрасенса предсказать ее профессиональное будущее. У этой есть все шансы стать звездой, вон та может рассчитывать максимум на третьи роли в заштатных показах, а из той получится хорошая рабочая лошадка – бесконечные серии проходных съемок, показов, деньги будут, но никто никогда не вспомнит ее имени. Марианна умела продавать красоту. И сама она была невозможно хороша собой. В конце нулевых в моду вошел странный, «инопланетный» тип красоты – успешными моделями становились девушки, которые словно были не от мира сего. Особенным шиком считались даже некоторые черты вырождения, как у средневековых аристократок (естественно, при подходящем росте и длинных ногах). Марианна же была похожа на итальянскую кинозвезду семидесятых – оливковая безупречная кожа, черные огромные глаза, прямой нос с едва различимой горбинкой, сочные губы (никаких уколов, все свое), роскошные формы. В девяностые в моде были как раз такие яркие типажи – не девушки-эскизы, а девушки-индивидуальности.

– Посмотрите мое портфолио! – настаивала пришедшая девушка. – Камера меня очень любит!

– Тогда вам лучше попытать счастье в агентстве, которое специализируется на съемках, – терпеливо объяснила Марианна, даже не открыв толстую папку, которую страдалица положила перед ней на стол. – У меня своя специфика. В основном я сейчас занимаюсь показами и конкурсами.

– Но…

– Девушка, милая, не тратьте зря свое время. И мое. Всего хорошего.

Подождав, пока за разочарованной и готовой разрыдаться красавицей захлопнется дверь, Марианна встала с кресла и подошла к окну. Ее офис располагался на Остоженке, в сердце города. Улица с самыми дорогими ценами на аренду. Она могла себе это позволить. Жизнь удалась.

Пришел курьер, принес ее обед.

Марианна давно не готовила сама – ни в ее двухсотметровой квартире на Ломоносовском, ни в офисе даже кухни не было. Хорошо, что в последние годы расплодились фирмы, которые доставляли на дом здоровое питание. Марианна уже полгода питалась как космонавт – из каких-то баночек, бутылок и тюбиков. Ничего лишнего, только то, что полезно для ее здоровья и красоты. На обед были смузи из кокосовых сливок, толченого льняного семени и маточного молочка и листья шпината с бальзамическим соусом. Хотелось, конечно, иногда хорошую отбивную с картошкой фри, но Марианне было за сорок, отбивная – непозволительная роскошь. И так с каждым годом все больше денег и времени уходило на то, чтобы оставаться красивой, а вокруг нее к тому же вертелись сотни молоденьких девушек, одна лучше другой – трудно было держаться, чтобы на их фоне не смотреться старой каргой. То десятидневный голод в швейцарской клинике, то термолифтинг в нью-йоркском институте пластической хирургии. Один ее дневной крем стоил столько, сколько некоторые московские семьи тратили в месяц на еду.

Марианна не была невротичкой, помешанной на сохранении молодости. Никакого «свет мой зеркальце, скажи». Она просто как никто другой понимала, что красота – это ресурс. Как нефть. Как недвижимость. А ресурс по мере

возможностей надо сохранять, не проедать его, не обменивать на сигареты или страдания по каким-нибудь козлам, от которых в итоге все равно ничего хорошего не дождешься. Жестокая женщина в жестоком мире.

Зазвонил телефон, ее личный. У Марианны было четыре мобильных – два номера указаны на визитной карточке агентства, один – для партнеров, еще один – для семьи (которой у нее, кстати, и не было, если не брать в расчет оставшихся в Астрахани родителей и младших братьев, но она с ними редко общалась) и крупных клиентов, на чьи звонки она готова была ответить хоть в половине пятого утра. Сейчас звонил как раз один из таких. Некий Вертинский, банкир, полуолигарх, он финансировал четыре из шести ее конкурсов, а помимо финансовых дивидендов был любителем «человеческого золота» – красивых девушек.

Вертинский мог заполучить любую девушку из агентства Марианны. Она не имела права ему отказать. Это было сложно, требовало мастерства магистра игры, потому что все-таки у нее престижное модельное агентство, а не замаскированный публичный дом. Некоторые агентства и не скрывают, что съемки и кастинги – всего лишь прикрытие, а основные деньги зарабатываются ими на продаже тел. Так даже было бы проще, но амбициозной Марианне никогда не хотелось становиться просто «мадам». Она постоянно работала с несколькими сотнями моделей. Среди них были и те, кто не отказывался от возможности при случае закрутить роман (или хотя бы переспать) с миллионером, но были и совсем юные, неопытные девчонки, которые желали только одного: работать, делать карьеру, не нуждались в продвижении через постель и могли всего добиться благодаря внешности и характеру. Иногда случалось, что выбор Вертинского (или кого-нибудь из важных партнеров калибром помельче) падал на одну из таких девчонок. И Марианне приходилось проявлять чудеса изворотливости, придумывать какие-то сценарии и схемы, работать жилеткой и личным психологом, убеждать каждую девочку в том, что предложенный выбор – единственно верный в ее ситуации. Никаких угрызений совести Марианна при этом не испытывала. Не то чтобы она была злодейкой или беспринципным дельцом, как в фильме «Адвокат дьявола», просто, когда столько лет крутишься в мире моды, этические границы размываются, как акварельный рисунок, попавший под дождь.

Вертинский, мягко говоря, не был хорош собой. Невысокий, коренастый, с пивным животиком. Ему было под шестьдесят, выглядел он на свои, приукрасить себя не пытался, считая, что его статус и без того лучшее украшение.

– Что у тебя нового, моя звезда? – начал он издалека.

– Да всё по-старому, – весело ответила Марианна. – Кручусь как белка в колесе. Скоро «Мисс Страна», через несколько недель закрываю первый отборочный тур, дел невпроворот.

– О-о, свежие девушки! – обрадовался Вертинский. – Уже надоели старые лица. Ты же форварднешь мне фото всех кандидаток?

– Ну разумеется! Самых лучших пришлю!

– Ну уж нет. Давай вообще всех, сам разберусь.

– И охота тебе рыться в навозе, – усмехнулась Марианна. – В этом году все как с цепи сорвались. Вроде и рекламы особо не давала, а уже три тысячи заявок.

– Звезда моя, рыться в навозе я умею профессионально, – басовито рассмеялся Вертинский. – Давай всех. Мне как раз предстоит длинный перелет. Ненавижу спать в самолетах, уже что только ни делал. В последний раз на моем борту установили кровать почти два метра – ну как дома! И мелаксен с собой беру. Ну не выходит, и всё тут.

– Это старость, Леопольд. Ладно, пришлю. А куда летишь?

– В Аргентину. Да я всего на четыре дня, переговоры.

– Не бережешь себя совсем, как обычно. Четыре дня – это тяжело.

– А что поделать, жизнь такая. Так я сегодня вечером получу письмо?

– Конечно! Только там будут не все. Каждый день я получаю несколько десятков новых заявок.

– Ничего страшного – новые тоже сразу мне. Не хочу оставаться на обочине, люблю быть в центре событий!

Не успела она распрощаться с Вертинским, как в комнату заглянула секретарь Оля, красивая, но чуть полноватая девушка из неудавшихся моделей. Они познакомились шесть лет назад – тогда желанием блистать на подиуме Оля довела себя до анорексического состояния и попала в число участниц «Мисс Страны». Даже вышла в финал. Весь месяц, пока девушки репетировали в пансионате, Марианна внимательно наблюдала за каждой из них. Она сразу обратила внимание на Ольгу – на ее необыкновенную работоспособность и стойкость: ни разу не проспала утреннюю репетицию, не сорвалась и не пожаловалась, а когда в самый последний момент распорядитель слег с тяжелым гриппом, взяла на себя половину его обязанностей. Совмещала участие в конкурсе с миллионом административных дел. Может быть, с такой силой духа она могла бы и крепкой моделью стать. Но это означало бы постоянные неврозы и недоедание – Оля была из тех, кто полнеет от салатного листа, на конкурсе она себя неоднократно доводила до голодных обмороков. И Марианна убедила ее, что намного большего девушка добьется по ту сторону фотокамеры. Оля стала ее личным ассистентом, и с каждым годом Марианна передавала ей все больше дел, и даже появились мысли при очередном расширении бизнеса сделать девушку своим партнером. За все шесть лет Оля ни разу не накосячила и не сорвалась – у нее всегда было позитивное, ровное настроение, и в самых стрессовых ситуациях она оставалась спокойной и расслабленной, как хиппи, не теряя при этом деловой хватки.

– Марианна Николаевна, там еще шесть девушек ждут.

– Шесть! Им сегодня как медом тут намазано… Ладно, зови.

Глава 3

Убитые приходили к Сандугаш не так уж часто. Иногда целый месяц она не видела никаких кошмаров. А случалось – две ночи подряд. И всегда она была на позиции жертвы. И всегда видела убийство глазами другого человека. И всегда просыпалась, задыхаясь, жадно глотая воздух, хрипя, порой даже крича, но крик во сне не бывает криком, крик во сне – это тоненький жалобный писк, хотя иногда он требует такого напряжения, что голос садится.

Только в тот, первый, раз Сандугаш увидела девочку из их района. В остальные ночи ей являлись люди из незнакомых мест, зачастую из больших городов. А ведь больших городов Сандугаш боялась! В Улан-Удэ она в шесть лет поехала с бабушкой, и хорошо, что с бабушкой впервые попала в большой город, а не с классом, как многие… Ей казалось – в городе так шумно, что она глохнет, так душно, что она задыхается, а ночью совсем страшно было, словно все сновидения всех уснувших спрессовались в темную тучу, накрывшую город, повисшую на его проводах и антеннах, и тяжесть этой тучи ощущала только она, Сандугаш. Но пришлось еще раз поехать, и еще раз, и она привыкла. Поэтому, когда в Москву отправились, уже с классом, была готова… Ей казалось, что готова. В Москве она сразу слегла и все трое суток, пока класс организованно водили по достопримечательностям Первопрестольной, пролежала в номере с головной болью и подозрением на внезапно открывшуюся астму.

Когда все ездили в Петербург, Сандугаш отказалась. Впрочем, у нее тогда как раз мама должна была родить, и отказ был мотивирован. Одноклассники восхищались: «Круто! Красиво! Дворцы! Мосты!» – а она радовалась, что избавлена от этого испытания.

Отец говорил – с возрастом ей легче будет притерпеться к многолюдью. Но Сандугаш не хотелось проверить, достаточно ли она повзрослела, чтобы выдержать городскую жизнь. И пока одноклассники строили планы на будущее, обсуждая, кто куда уедет – в Улан-Удэ, в Москву, а то и вовсе в Лондон, – она смотрела мимо них и мечтала о своем, или повторяла материал к уроку, или просто скучала. Потому что большие города – это не для нее.

Но люди из ее снов жили и в больших городах.

Люди из ее снов жили такой жизнью, которую она разве что по телевизору видела.

Во сне Сандугаш оказывалась внутри этой жизни. Внутри этих людей. Она была этими людьми, пережила вместе с каждым из них его смерть.

Она уже не могла их забыть. И хорошо, если бы ее как-то обогатил чужой жизненный опыт или дал что-нибудь полезное, так нет! Она получала от них всего лишь несколько лоскутков жизни, чаще всего бессмысленных, и все муки умирания.

Это было несправедливо. И очень страшно.

Наконец-то зажил новый прокол в левой брови. Как-то неудачно штангу поставили: кожа долго воспалялась, нарывала. Даже предлагали вынуть. Но она была против. Она хотела, чтобы в правой брови были три колечка, а в левой – штанга. У нее уже было колечко в ноздре, в каждом ухе – по шесть сережек, только губу не проколола и язык, ее парень говорил – это ужасно неудобно, сам он год относил пирсинг в языке и снял. Мама, когда у нее было время на дочку и она замечала очередной прокол, новое металлическое украшение на лице, пыталась играть «понимающую». Говорила: «Это же теперь даже не модно! Это выдает твою внутреннюю неуверенность в себе!» Она не обращала внимания на маму, слова мамы были мертвыми, чувства мамы были мертвыми. А все эти колечки и штанги, проколы, весь этот металл – они были реальностью, словно бы за каждую цеплялась невидимая нить, пришивавшая ее к этому миру, и чуть меньше хотелось выпрыгнуть из окна.

Окно. Оно ее манило с самого детства. Они жили на четырнадцатом этаже. И если выпрыгнешь – не выживешь точно.

У нее всегда было окно. Поэтому она не хотела переезжать от родителей. Окно ее поддерживало. Самим своим существованием. Тем, что она всегда могла туда прыгнуть.

Не то чтобы ей и в самом деле хотелось умереть, нет. Ей хотелось знать, что она может прекратить жизнь в любой момент, по своей воле.

Но то, как на самом деле ей хочется жить, она поняла, когда сползла по стене между гаражами, захлебываясь собственной кровью, а ее Димка, ее любимый Димка, ее парень, ее единственный, тот самый, с которым они с тринадцати лет парочка, с которым пробовали вместе все: алкоголь, секс, траву, экстрим, все на свете – вместе… Димка – с бледным, забрызганным кровью лицом, с окровавленными руками – сначала пытался зажать ей рану сорванной с головы банданой, потому что когда-то видел в кино, что так надо делать, потом вытащил мобильник, уронил, поднял – кажется, он хотел вызвать «скорую». Но вдруг передумал. Заплакал, схватил окровавленный комок банданы и прижал ей ко рту и носу. И она, только что захлебывавшаяся кровью, начала задыхаться и, несмотря на рану, задыхалась долго, мучительно, по кусочку, по крупице

отдавая жизнь…

Димка ударил ее выкидным ножом под ребра. За то, что она переспала с Рыжим. Хотя они договорились, что у них все будет по-честному, если кто-то с кем-то на стороне. Потому что они свободны и не принадлежат друг другу, но любят друг друга, и это настоящая любовь, когда не сжимаешь объятия и отпускаешь на свободу. Раньше они с Димкой, смеясь, обсуждали свои «ходки на сторону», и иногда рассказы о том, как это было с другими, возбуждали, и они начинали целоваться, сдирали с себя одежду, бросались друг на друга, яростно, жадно…

Но к Рыжему, как оказалось, Димка по-настоящему ревновал. Он завидовал Рыжему, потому что Рыжий учился на гитаре, в музыкалку ходил, и родители ему хорошую электрогитару купили, и его уже взяли в какую-то группу, а Рыжий даже не ценил, но хвастался, ведь все парни хвастливы, особенно насчет того, что для других важно и предмет для зависти… Димка научился играть всего года два как, и его мечта о музыкальной карьере останется мечтой, он бренькал на отцовской гитаре, и пел он паршиво, и слуха у него не было, и голоса, а Рыжий не пел, только играл, но хорошо, и гитара не паршивая.

Когда Димка узнал, что она переспала с Рыжим, он почти расплакался и ударил ее по лицу, а она дала ему сдачи, и еще, и еще, и думала, что потом драка перейдет в объятия, и, может, они прямо тут, между гаражами, такое уже бывало… Но Димка выхватил нож и ударил ее под ребра.

И, кажется, он жалел о том, что сделал, и, кажется, он хотел вызвать «скорую», но передумал, испугался, наверное, что она все же умрет, а его посадят, и зажал ей рот и нос окровавленной банданой, и она умирала долго, так долго, так долго…

…так долго, что Сандугаш, проснувшись, мучительно откашливалась, ей казалось, это ее горло напрягалось в попытках сделать хоть глоток воздуха. Потом жадно пила воду. И до утра не могла заснуть.

Об этом убийстве Сандугаш нашла информацию в Интернете только через четыре дня. Она гуглила «девушка убита между гаражами пирсинг на лице» – и в конце концов наткнулась на новость о том, что в Новосибирске между гаражами нашли труп заколотой ножом Малеевой Ирины Станиславовны

девятнадцати лет. Покойная имела много подозрительных знакомств. Подозреваемых не было. Следствие велось.

Значит, Димке удалось-таки все провернуть так, чтобы его не заподозрили. Странно. Вроде бы мужа или парня подозревают в первую очередь. А его – нет…

И Сандугаш ничего не могла сделать для погибшей Ирины Станиславовны. Хотя даже знала имя ее убийцы.

Он пошел за грибами. В этом году грибов было мало, да и зайти далеко в лес он не мог, болели ноги. Но он очень любил ходить за грибами. Любил осенний лес, в «багрец и золото одетый», и раннее вставание, и тропинку в тумане, и как солнце растапливает туман, и запах, дивный запах опавших листьев, влажных стволов деревьев, земли – и грибов. И поиск: какое счастье, когда из-под листьев выглядывает аккуратная шляпка, блестящая или бархатистая! И тяжелеет, тяжелеет пластиковое ведерко в руке.

Конечно, одиноко ему было – всю жизнь за грибами он ходил с кем-то. Сначала с бабушкой, когда летом отдыхал у нее в деревне. Потом с мамой, когда она на пенсию вышла и почти полгода жила в бабушкином деревенском доме. Потом с женой. Ляля поначалу не слишком жаловала «грибную ловлю», но вскоре оценила всю красоту традиции. Ляля всегда брала с собой еду и пледик – для грибного пикничка. С ней поход за грибами превращался в маленький праздник. Она вообще умела превращать в праздник самые обыденные явления. Хотя грибы – это не обыденно, это одна из прекраснейших вех года. Жаль, детей не дал им Бог, да и друзей у него не осталось, слишком близки они были с Лялей, слишком большое место занимала она в его жизни. Ее не стало – и мир опустел. Да, поистине – «опустела без тебя земля…». Но жизнь продолжается, его-то жизнь продолжается, и уж сколько ему будет отпущено лет, весен, зим и осеней, сколько в багрец и золото одетых лесов, сколько грибной охоты? Никто не знает, но сколько бы ни было – все ему принадлежит. И он постарается не быть несчастным хотя бы в лесу. Здесь оживают его воспоминания, и бабушка, и мама, и Ляля, они живы, где-то рядом, может, вот за тем деревом… Впрочем, это уж точно не Ляля. Какие-то ребята. Тоже грибники, наверное. Молоденькие совсем. Трое. Нет, четверо. Правда, без ведерок и без корзинок, куда ж они грибы-то складывать собрались? Может, просто гуляют по лесу. Или походники, лагерь разбили где-то невдалеке. Но не слишком тут удобные места для походного лагеря.

Он не испугался. С чего ему пугаться четверых подростков? Он дружелюбно им улыбнулся, ведь общее у них было сейчас все это – лес, багрец и золото, острый осенний воздух, грибы…

– Вадька, этот – твой, – нарочито басовито сказал самый крупный и крепкий из ребят.

Твой? Гриб? Гриб увидели?

Тот, которого назвали Вадькой, побледнел, странно скривил рот, быстро подошел к нему и ударил. Не размахиваясь, но как-то невероятно быстро и невероятно сильно, в челюсть, так, что голова откинулась назад, в глазах почернело от боли, и что-то громко хрустнуло, и рот наполнился кровью.

Он упал навзничь, а Вадька ударил его ногой в живот, раз, два, три, выбивая из него жизнь, потом по почкам, потом рукой – в горло… И сомкнулись над ним золотые кроны, и обрушились чернотой и тишиной.

…Это был первый раз, когда Сандугаш увидела себя во сне мужчиной. Пожилым мужчиной, которого насмерть забили в лесу совершенно незнакомые парни.

Почему они это сделали? Тренировались, что ли, на живых мишенях?

Зло представало Сандугаш во всем многообразии ликов.

Потом она еще видела себя мужчиной несколько раз.

Молоденьким парнишкой, которого избили, связали и сожгли заживо, потому что он был из другого района и неправильной национальности, а мучителям хотелось посмотреть, как горит живой человек.

Мальчиком, которого одноклассники столкнули под электричку.

Молодым мужчиной, которого любовница отравила из ревности. Он даже не понял, что она подлила ему в коньяк, когда его скрутило от боли, начал

задыхаться, а она включила погромче музыку и все время, пока он хрипел и бился на полу в конвульсиях, не переставала его обличать и проклинать.

Другим мальчиком, которого задушил, надругавшись, маньяк.

Стариком, которого внук убил в квартире, имитируя отравление газом, а старик все понимал и покорно принял смерть, надеясь только, что внука не заподозрят в убийстве.

Но чаще Сандугаш видела себя во сне женщиной.

Девочки, девушки, молодые женщины, зрелые, пожилые… Женщины, женщины, женщины, они постоянно становились жертвами Зла.

Она где-то слышала, что мужчины погибают чаще. Но, разобравшись со статистикой, поняла, что мужчины чаще погибают в авариях, в драках, по собственной неосторожности, а еще есть войны, которые мужчины ведут против мужчин (не думая, что при этом подминают под гусеницы танка и женщин, и детей, и зверей).

А вот жертвами Зла мужчины становились реже. Не того бесенка, который сидел в них самих, а настоящего Зла.

Почему-то это Зло предпочитало все же женщин. Иногда – мальчиков. Но чаще – женщин. Разного возраста. Городских и деревенских. Красивых и невзрачных. Женщин.

Она выкрасила волосы в рыжий цвет. Очень удачно получилось: такой глубокий рыжий, прямо как лисья шкурка. Натуральный. Брови она обесцветила и покрасила коричневой краской. Так что выглядела совсем натуральной рыжей, с ее-то белой кожей. И никаких веснушек! Она шла по улице и любовалась своим отражением в витринах. В сквере встала на фоне каштана и принялась себя фотографировать, старательно расширяя глаза и втягивая щеки: так лицо казалось более изящным. Хоть одно селфи из сотни, да получится… Ветер взметнул ее рыжие волосы, они плеснули в воздухе, как знамя, и она успела это заснять. Вот! Классная фотка! Села на лавочку и принялась обрабатывать

снимок, чтобы отправить в Инстаграм. Она так увлеклась, что не заметила, как рядом с ней присел мужчина. А когда заметила – вздрогнула: незнакомец так пристально, так жадно на нее смотрел! Но он обезоруживающе ей улыбнулся. Он выглядел милым и безобидным: невысокого роста, пузатенький, с розовыми щеками и золотистыми кудряшками, как будто взрослый пупс. И через плечо у него был перекинут ремень от сумки с камерой. Судя по размерам, дорогая штука. Может, даже профессиональная.

– Вы очень красивая девушка. Но вы и сами знаете, что вы очень красивая девушка, да? Скажите честно, вы модель?

– Нет, я не модель, – улыбнулась она в ответ.

– Значит, мне очень повезло!

– Почему? Вы не любите моделей?

– Напротив. Я их очень люблю. Я же фотограф, – он указал на сумку с камерой. – Я профессиональный фотограф и отлично умею отличить просто красивую девушку от той, у которой есть потенциал модели. И мне очень повезло, что я встретил такую девушку, а ее еще не заполучило себе ни одно агентство. Значит, я могу сам за руку отвести вас в агентство, с которым сотрудничаю. Прямо как в каком-нибудь голливудском фильме. Фотограф встречает модель в сквере возле фонтана.

– А что за агентство?

– «Модел-Раша», может быть, слышали?

Еще бы она не слышала! Конечно, слышала, агентство входило в десятку самых-самых… И она даже мечтать не могла о том, чтобы стать их моделью!

И все же что-то поскребывало. Как в голливудском фильме… Так ведь не бывает!

– Мне уже двадцать лет вообще-то, – сказала она, убавив себе два года. – Не старовата для модели?

– А мы никому не скажем. Вы не выглядите на двадцать лет. Хотя это еще далеко не старость… С такой фактурой вы их заинтересуете. Не как манекенщица, они должны быть совсем плоские, костлявые, а именно как модель. Сниматься для каталогов, в рекламе, да просто для красивых фото, которые потом продают в журналы в качестве иллюстраций. У вас великолепная фактура. Волосы, кожа… Можно я вас сфотографирую?

– Конечно, – кокетливо улыбнулась она.

В сущности, ее это даже не слишком удивило – она давно ждала подобную встречу, лет с четырнадцати. И этот взрослый пупс говорил именно то, что в ее фантазиях должен был говорить представитель модельного агентства… или именитый кинорежиссер, зазывающий ее в свой фильм… В общем, кто-нибудь, кто, наконец, оценит ее красоту, изящную фигурку с округлостями везде, где надо. Она знала, что полновата для манекенщицы. Но оказывается, модели и не обязательно быть еще и манекенщицей, чтобы позировать для красивых фото!

Как здорово, что она покрасилась в рыжий и не поленилась перекрасить брови. Она много раз меняла цвет волос, и последняя перемена оказалась самой удачной.

Фотограф приладил увесистый объектив, направил на нее, и она, отразившись в темной линзе, улыбнулась самой себе. Фотоаппарат защелкал. Она повернулась, чтобы получился самый удачный ракурс, пошире распахнула глаза, слегка втянула щеки…

– Конечно, лучше бы с правильным светом. И с отражателем. Он позволяет придать коже такое мраморное свечение… При дневном свете так не получится. К тому же правильный свет скульптурно подчеркивает все линии лица, делает черты точеными. А при дневном – чуть-чуть плывет… даже ваше личико… Мне бы хотелось сделать профессиональную фотосессию. Чтобы показать директору агентства товар, что называется, лицом.

– Я для вас товар?

– Конечно. Не думаете же вы, что я в вас влюбился? – хохотнул фотограф. – Конечно, я получу премию, если приведу в агентство новую звезду. Но главное – я смогу сделать такие работы… У меня давно не было по-настоящему яркой

девушки. Кстати, я же не представился: меня зовут Андрей. А вас?

– Анна.

– Анна, а давайте, я сделаю вам профессиональное портфолио? Совершенно бесплатно. И бесплатно отнесу его в «Модел-Раша». Вы же не думаете, что я маньяк, правда? Маньяки не подходят к жертвам средь бела дня. Нас с вами тут видело столько свидетелей…

– Да я и не думала, что вы маньяк.

– Вот и хорошо. Пойдемте со мной прямо сейчас? Легкий макияж я и сам вам сделаю, уже обучен. Я бы, конечно, предложил вам прийти в другой раз и с подругой в качестве моральной поддержки и защиты от маньяков, но сегодня вечером я уезжаю в Москву. Я же приезжал фотографировать этот ваш знаменитый кремль и золотую осень. Командировка на три дня, сегодня третий. Но я не хочу вас терять. И тянуть тоже не хочу. Вдруг в ваш гостеприимный городок заедет, например, Ник из «Диа Модел». Встретит вас – и все…

Она рассмеялась, откидывая назад волосы, представляя, как красиво они струятся вдоль спины, сверкая на солнце.

Если бы он знал, как мало шансов, что ее заметит этот самый Ник. И с каждым годом все меньше.

Она раньше считала, что шансов мало уже на то, что фотограф из крутого модельного агентства вообще приедет к ним в город. Наряжалась, красилась и сама ездила в Москву. Ходила по улицам и ждала, ждала, что ее кто-нибудь заметит… Не заметили.

Она не могла упустить свой первый шанс, зная, что он, скорее всего, станет единственным. Упустить удачу только из-за того, что мужики в наше время все запуганные – боятся, что только прикоснешься к женщине, а она уже в полицию побежит с заявлением об изнасиловании. В Москве, судя по прессе, все именно так.

– Андрей, мне не нужна подруга для моральной поддержки. У меня вообще нет подруг. Девушки не любят мое общество.

– Слишком красивая?

– Типа того. И вы не похожи на маньяка. А я не трусиха.

– Отлично. Еще и с характером.

– Это плохо?

– Это хорошо. Пугливые и ранимые в модельном бизнесе не выживают. Не побоитесь сесть в машину к незнакомому мужчине и прокатиться с ним в фотостудию?

– А мы уже знакомы.

– И правда.

Машина у него оказалась не то чтобы очень шикарная: серенькая «Шкода Октавия». Но чистая, и внутри все так аккуратно. На заднем сиденье – мини-холодильник. Андрей достал бутылку «Evian».

– Воды хотите?

– Спасибо.

– Спасибо, да? Или спасибо, нет? – рассмеялся Андрей.

– Спасибо, да.

Он достал вторую бутылку и, предупредительно сняв крышечку, протянул ей вместе с откуда-то добытой запакованной соломинкой. Сам выпил залпом из горлышка и тронул машину с места.

– Пристегнитесь.

Она, послушно затянув ремень безопасности, медленно потягивала холодную, чуть солоноватую, с горчинкой, довольно противную на вкус воду, с удовольствием наблюдая, как проплывают мимо окон знакомые улицы. У нее закружилась голова. Наверное, от счастья. Или от жары. Или от того, что машина ехала… слишком быстро? Или не слишком? Голова кружилась просто невыносимо, она выронила бутылку, вода плеснула на голые ноги, а голова вдруг качнулась вперед, словно слетая с шеи…

…Когда Сандугаш проснулась, у нее все еще кружилась голова и во рту ощущался солоновато-горький вкус той воды, которой фотограф Андрей угостил крашенную в рыжий цвет девушку Анну в незнакомом русском городе.

Почему она их увидела?

Если она видит других людей – если она во сне видит глазами других людей, – это всегда жертвы убийства.

А на этот раз – убийства же не было?

Сандугаш потянулась к стакану, боясь, что вода на вкус окажется такой же гадкой, как во сне.

Нет, обошлось. Обычная вода. Вкусная. Очень вкусная. Как же ей хотелось пить!

Она видит то, что успевает увидеть жертва. Значит, Анна уже не проснется. Андрей – или не Андрей и, скорее всего, никакой не фотограф – все же оказался маньяком. Или чем-то вроде того. Он подмешал рыжей какую-то гадость в воду, потому и вкус был противный. А если бы она отказалась пить, он бы что-то еще придумал. Наверняка у него все уже отработано…

Хотя, конечно, среди бела дня увезти девушку из людного сквера, где их все видели… Почему он не боится? Что он с ней сделал? Лучше не знать.

Но все же – что?

Может, если заснуть, приснится продолжение?

Если бы она только могла их как-то предупредить! Тех, кого видит во сне…

Но во сне Сандугаш никогда не была собой. Она была жертвами. Ими всеми.

И бесполезно, наверняка бесполезно искать в Интернете эту рыжую Анну. В рыжий она выкрасилась в день смерти. Какого цвета волосы у нее были до того – Сандугаш не знает. А главное – о пропавших взрослых редко пишут. Вот про детей – да. А про взрослых – только если родственники поднимают переполох. Но чтобы искать, надо хотя бы знать, какой это город… Где знаменитый кремль? Кроме Москвы?

Впрочем, какая разница? Зачем искать? Анна мертва. Андрей убил ее. Если бы не убил, она бы не приснилась Сандугаш.

Ведь Сандугаш видит только смерть. Только смерть…

Девушка расплакалась, закусив край одеяла, чтобы никто не услышал.

Погрузившись в изучение предпочтений Зла, Сандугаш чуть не утонула в черноте. Интернет открывал перед ней истории маньяков и извращенцев всех мастей: душителей, потрошителей, расчленителей. Один коллекционировал волосы жертв, другой шил платье из женской кожи. Маньяки, действующие в паре. Маньяки-любовники. Маньяки-супруги. И их жертвы – женщины. Иногда мальчики, но, как правило, женщины…

Вот только маньяки – еще не самое ужасное. Маньяки – отбросы человечества, выбраковка, как больной скот. Было кое-что пострашнее.

То, что творили мужчины с женщинами во время войн.

То, что творили мужчины с женщинами во время погромов.

Мужчины убивали других мужчин, но женщин раздевали, истязали, гоняли голыми по городу, насиловали, избивали, мучили до смерти, даже совсем еще

девочек, даже очень пожилых, годящихся своим мучителям в бабушки… В разных странах, в разные времена мужчины объединялись в толпу и убивали других мужчин, а потом терзали их женщин.

Почему? Почему женщину нельзя просто убить? Почему обязательно такие страдания?

Сандугаш почти перестала есть, старалась не спать и сидела в школьной библиотеке до вечера, истово выискивая в Интернете отчеты о деяниях Зла.

Первой забеспокоилась бабушка, в итоге Сандугаш пришлось съездить к врачу. Прошла флюорографию, сдала анализы. Все было в порядке. Врач предположил, что она худеет, потому что так модно. Рассказал о вреде анорексии. Сандугаш вежливо его слушала; в ушах у нее шумело от недосыпа.

Потом мама начала каждое утро спрашивать, что бы ей хотелось съесть, что приготовить на обед, на ужин.

Но решил проблему, как всегда, отец. Когда Сандугаш в очередной раз вернулась из школы под вечер, после длительного сидения в библиотеке, он позвал ее к себе, в свою комнату, где принимал посетителей.

– Встань вот здесь, – указал он на середину комнаты.

Сандугаш встала.

– Закрой глаза, не шевелись, не говори ничего. Молчи.

Она закрыла глаза. Перечить отцу ей не приходило в голову.

По звуку поняла, что он снимает со стены бубен. Потом отец начал ходить вокруг Сандугаш, слабо постукивая в бубен пальцами и тихо напевая что-то неразборчивое. Много кругов сделал.

– Встань на колени. И не двигайся.

Сандугаш, не открывая глаза, опустилась на колени.

И бубен вдруг зазвенел, загремел, зарычал у нее над головой, громко, оглушающе, так, что ей показалось – этот звук заполняет череп, взрывает его изнутри, невозможно терпеть, сейчас лопнут барабанные перепонки, напряжение в глазах, кажется, кровь из носу хлынула и, горячая, потекла по губам, по подбородку, закапала на пол…

Сандугаш вскинула руки к лицу.

– Не смей! Опусти руки. Не шевелись!

Бубен продолжал рычать и грохотать грозовыми громами, и Сандугаш стояла на коленях, не двигаясь, пока не почувствовала, что в горле у нее бьется птичка, живая птичка, которую непременно надо выпустить на волю. Сандугаш открыла рот… И потеряла сознание.

Пришла в себя она, лежа на полу. Отец сидел на табурете и смотрел на нее. Бубен уже висел на стене.

Сандугаш застонала и приподнялась, опираясь на руки. Пол вокруг нее был закапан чем-то черным, и на руках у нее было это черное. Сандугаш сначала подумала – кровь, просто она пролежала без чувств так долго, что кровь потемнела, свернулась. Но кровь такой черной не бывает. Это черное было – как нефть.

– Папа…

– Я сделал, что мог. Выдавил из тебя то, что ты добровольно впустила. Оно бы выжгло тебя, обессилило. Может быть, даже убило.

– Я не понимаю.

– Ты каждый день сидела в библиотеке и читала про убийства. Каждый день. Ты пропускала через себя знания про зло. Ты сопереживала жертвам. Ты ненавидела убийц. И тем самым ты впустила в себя вот это, черное. И оно начало есть твою силу.

Свитер и брюки Сандугаш были испачканы в черном. И ладони.

– Я не понимаю. Я просто читала… Многие интересуются. С ними со всеми – так?

– Нет. С единицами. С теми, в ком есть сила, но нет умения защититься. Информация содержит в себе… Как бы это тебе объяснить? Силу содержит. В любой книге, в любой статье, в любом источнике знания есть сила, потому что знание – это сила. Знание – в прямом смысле сила, Сандугаш. Надо уметь обращаться с этой силой и уметь ее дозировать. Особенно тем, в ком есть собственная сила. Или энергия. Как тебе больше нравится. Что-то, чем другая сила, злая, темная, может полакомиться. Тебя она почти сожрала.

– А почему ты так долго ничего не предпринимал? – вяло спросила Сандугаш.

– Моя ошибка. Я смотрел и ждал. Думал, не придет ли на помощь тебе один из духов-зверей нашего рода, не встанет ли на защиту. Но новый дух так и не появился. Только тот, слабый…

– Соловей, – прошептала Сандугаш.

Отец кивнул.

– Больше не читай про зло. Не надо. Ты слишком слаба. И эти знания тебе не нужны. Ты ничего не можешь изменить.

– Я бы хотела.

– Я знаю. Но ты слишком слаба.

– Если бы ты научил меня защищаться…

– Нет. Сильным шаманом тебе не быть. А просто шаманкой, целительницей, я не хочу, чтобы ты была. Это не жизнь для бабы – без мужа, без детей… Не жизнь. А полушаманкой, обманщицей, женщина из рода Доржиевых не будет. Живи свою женскую жизнь, Сандугаш. Ты красавица. Наберешься силы – буду знакомить тебя с достойными мужчинами. Дочь Баты Доржиева любой захочет в жены взять. А я же их насквозь вижу. Будет у тебя муж сильный, добрый, станет

защищать, любить, дети у вас появятся. Все будет, как у нас с твоей мамой, даже лучше. Обещаю.

Отец ладонью коснулся головы Сандугаш. Он так редко проявлял нежность, что от этой скупой ласки она сначала замерла, а потом разрыдалась.

Но стоя под горячим душем, смывая с лица и рук липкую черную жижу, она подумала, что, пожалуй, не хочет такого счастья, как у отца с мамой. Она хочет чего-то другого. Чего-то более… настоящего?

Даня Семенычев, одноклассник Сандугаш, жил в поселке Артемышево. Родители у него были из обеспеченных, по местным меркам, а он – единственным и обожаемым сыном. Так что ему покупалось все, что захочется, но, конечно, в пределах, которые родители переступить не могли… Однако хороший цифровой фотоаппарат Дане купили. Он очень любил фотографировать и мечтал стать профессиональным фотографом, все время посылал свои работы на разные конкурсы. В общем, Сандугаш даже не особенно удивилась, когда Даня подошел на перемене и рассказал ей, что попал в десятку лидеров в двух турах конкурса: натюрморт и пейзаж. Теперь третий тур предстоит: портрет. Сандугаш слушала из вежливости, не хотелось обижать резкостью этого в общем-то хорошего парнишку. В конце концов ей стало скучно, и она решила уточнить:

– Это все очень здорово, но зачем ты мне рассказываешь? Я фотографировать не люблю.

– Я хочу, чтобы ты мне позировала, – сказал Даня и покраснел.

Сандугаш вздрогнула. Вспомнила ту рыжую девушку, которую заманил якобы фотограф… Но Даня-то – знакомый, свой. Вряд ли он сделает что-то плохое дочке шамана. Хотя… кто их, глупых мальчишек, знает? Вспомнилась стриженая девочка с колечками в брови и ее случайный убийца… Он ведь не хотел, вроде бы.

Видя ее замешательство и предчувствуя отказ, Даня заметно скис и, поправ мучительную юношескую гордость, сказал уже откровенно просительно:

– Пожалуйста, Сандугаш! Ну, пожалуйста, мне больше некого позвать! У тебя это… фактура, в общем.

– А куда ты меня собрался звать? У тебя дома студия оборудована? – с подозрением спросила Сандугаш.

Даня рассмеялся от облегчения, обрадованный тем, что она хотя бы не отказала.

– Нет, я пока только мечтаю нормальный осветитель и отражатель купить. Если конкурс выиграю – смогу… Я все на улице снимаю. Нахожу ракурс и снимаю. Даже соты для натюрморта на улице снимал. Хочу тебя снять на лавочке. Возле дома Сократовых, знаешь, такая лавочка-развалюшка, на ней только ты и усидишь, под другим подломится. Они ее не меняют, потому что бабушка ихняя очень любила на этой лавочке отдыхать, мемориальная скамья прямо. Вот сядешь на фоне забора деревенского, на старой лавке, и будешь смотреть перед собой с тоской во взгляде.

– Может, тебе какую-нибудь бабушку попросить? Будет органичнее.

– Нет, у меня замысел. Должна быть девушка. Красивая. Ты самая красивая. И еще у тебя лицо, ну, нерусское. Сидишь на старой лавочке, а вся такая красивая, и как бы нет будущего, потому что в глуши, хоть и с такой красотой… Понимаешь идею?

– Понимаю, – вздохнула Сандугаш.

Нет будущего.

Надо же…

Нет будущего…

Сандугаш все же позировала Дане. Но получилось плохо.

Вышли глазеть Сократовы, и другие односельчане, кто на работе не был, подтянулись. Стояли, лузгали семечки, вполголоса обсуждали. Ничего гадкого

не говорили, но от взглядов Сандугаш было не по себе. Да и Дане тоже.

Даня изображал киношного фотографа, излишне много дергался, прыгал и больше думал о том, как самому с камерой наперевес встать в красивую позу, чем о том, что у него в кадре творится.

Сандугаш стеснялась, зажималась, и вместо тоски во взоре получились злость и затравленность. Ничего романтичного.

Не удивительно, что Даня в этом туре конкурса в десятку не вышел…

Фотографии он ей отдал на диске. Несмотря на напряженную позу и странное выражение лица, Сандугаш получилась красивой. Едва ли не красивее, чем в жизни! Кожа ее, казалось, светилась, волосы шелковисто переливались, глаза были прозрачными.

– Тебя камера любит. Обычно люди получаются не такими красивыми, как в жизни. А ты – такая же. Ты могла бы моделью стать, если бы захотела. Хотя, наверное, уже поздно. Тебе же сколько, семнадцать?

– Через месяц.

– Ну, поздно. Модели, они лет в четырнадцать начинают в наше время. В девятнадцать у них старость.

– Да я и не хочу быть моделью.

– А кем ты хочешь быть?

«Я хочу ловить и карать убийц», – подумала Сандугаш.

– Не знаю, – произнесла она вслух. – Наверное, замуж выйду. Как мама.

– Ты ж учишься хорошо… Могла бы в институт поступить.

– Не хочу. В город не хочу.

– Зря.

Сандугаш пожала плечами. Она все равно не смогла бы объяснить Дане, почему большой город не подходит ей для жизни. Да и не хотелось ей ни в какой институт, снова учиться. А хотелось…

Она даже не знала чего.

Чего-то необыкновенного.

Любви ей хотелось. Причем такой, чтобы все ради этой любви отдать.

Чтобы, как в фильме «Сумерки. Сага. Новолуние», бежать через людную площадь, через фонтан, рассекая воду, к любимому и обнять его, закрыть, заслонить – всею собой. Пожертвовать ради любви всем! И чтобы в самом финале с полным правом сказать своему любимому: «Никто никогда не любил так, как я!» А он бы ответил: «За одним только исключением…» – имея в виду себя и свою безграничную любовь к ней, Сандугаш.

Она еще и не влюблялась ни разу, по крайней мере в реальных людей. Киношные персонажи не в счет. В детстве она была влюблена в Карлайла Каллена из «Сумерек» и в Сириуса Блэка из «Гарри Поттера» – Сандугаш и в детстве была странной, выбирала не тех персонажей, которые нравились другим девочкам. Юные Эдвард Каллен или Гарри Поттер ее не интересовали, а в зрелых, трагических Карлайле и Сириусе она видела свой идеал… Еще ей нравился Майкрофт Холмс из сериала «Шерлок». Все девчонки сходили с ума от Шерлока, а Сандугаш нравился его старший брат, таинственный и одинокий. «Он же лысый!» – изумилась Ритка, когда Сандугаш ей призналась. Но какая разница, лысый или нет? Главное – он такой… загадочный. Интересный.

Жаль, их всех не существовало в реальном мире, и от осознания этого становилось особенно тоскливо.

Сандугаш еще никогда не влюблялась в реальных людей, но уже готова была ради настоящей любви пойти на любое страдание, на любой риск. Она чувствовала в себе огромные нереализованные запасы любви, будущей любви,

словно внутри у нее было засеянное поле, и семена уже набухли, выпустили бледные корешки, а стоит появиться солнцу – ее возлюбленному, которого Сандугаш еще не знала, – семена выстрелят зелеными ростками, распустятся яркими, пышными, благоуханными цветами!

Любить, любить, любить… Только этого Сандугаш и хотелось.

И еще – карать убийц. Использовать свой дар. Но, похоже, в этом ей было отказано.

Зато любовь рано или поздно должна была прийти. В этом Сандугаш не сомневалась. И не потому, что все когда-то влюбляются. Просто внутри у нее было целое море любви, оно волновалось, словно в такт шагам человека, которого она еще не видела, не знала, но уже предчувствовала.

Влюбленного взгляда Дани Семенычева она так и не заметила.

Глава 4

Наташа сыто потянулась и ногой отпихнула одеяло. Полюбовалась своими точеными ножками с идеальным вишневым педикюром и тонким золотым браслетом вокруг левой щиколотки. Потом нащупала на прикроватной тумбочке зеркало. Это была ее традиция, ее секрет и маленький порок – проснувшись, первым делом она рассматривала свое лицо, словно желая в очередной раз убедиться в безусловной истине: она по-прежнему самая красивая девушка на свете.

Подмигнув своему отражению, Наташа рассмеялась.

Вскочила с кровати, залпом выпила заранее приготовленный обязательный стакан воды с имбирем и медом, потом включила музыку и сделала три круга «сурья намаскар» – «приветствия солнцу». Она не занималась спортом, тело и так оставалось идеальным, но утренняя йога была для нее чем-то вроде витаминного укола. Хотя на этом стакане воды и десятке бесхитростных упражнений, пожалуй, и заканчивался весь ее здоровый образ жизни.

Бессонные ночи, море шампанского, сигареты, вереница мужчин – все это изматывает и отпечатком остается на лице. Хорошо, что Наташе всего восемнадцать лет – блаженный возраст, прощающий приключения.

До очень недавнего времени Наташину жизнь нельзя было назвать легкой. Она родилась в маленьком городке на юге России, в семье алкоголиков в третьем поколении. У нее были старшая сестра с психиатрическим диагнозом и младший брат с задержкой развития. Оба выглядели как дети подземелья. То же можно было сказать и о Наташиных родителях – типичные маргиналы, давно пропившие человеческий облик. Даже странно, что она уродилась такой – здоровой и красивой. И что ей хватило ума рано понять, что единственный шанс выжить – как можно скорее свалить из родительского дома, где никому не было до нее дела.

Отец с младенчества ее поколачивал, Наташа старалась никогда не попадаться ему на глаза, а если не получалось – хотя бы не смотреть в лицо. Как и многие пьющие, он жил в своем мире, вел диалоги с внутренними голосами, и никогда нельзя было предсказать его настроение в следующий момент. Вроде бы сидит за столом и улыбается, а потом вдруг может подскочить, бросить в стену стакан и с ревом наброситься на кого-нибудь из домашних.

Мать же была больше похожа на тень, а не на живого человека. Ей было все равно – ее давно не интересовало вообще ничего, кроме недлительного удовольствия, которое давала дешевая водка. Возможно, в глубине души она понимала, что жизнь ее пошла под откос, из пике ей не вырулить, так что остается два выхода: сойти с ума или пребывать в забытьи. Детей она не била, но и внимания на них не обращала. Росли сами по себе, как придется. Часто их забывали покормить.

Наташа прекрасно помнила, как в шесть лет она просила милостыню у прохожих. Иногда ее подкармливали соседи, из жалости. Летом было проще – можно было рвать во дворе ревень, обдирать городские яблони, ходить в лес за малиной, приставать к рыбакам на берегу Дона, чтобы те угостили копченой рыбкой. Училась Наташа плохо, даже один раз оставалась на второй год. И часто слышала от классной руководительницы угрозы отправить ее в коррекционный интернат.

Все изменилось, когда ей исполнилось тринадцать лет. В то лето, как по мановению волшебной палочки, Наташа вдруг из угловатого подростка

превратилась в девушку, чья внешность притягивала взгляд. Она и сама этого не заметила. Не обратила внимания. Тогда она еще не задумывалась о том, что некоторые люди красивы, а некоторые – нет. Оценивала всех детским взглядом, смотрела внутрь. Дети ведь по-другому красоту воспринимают.

У Наташи появилась грудь, ее скулы заострились, а ноги, казалось, стали еще длиннее, хотя и так все детство ее дразнили «саранчой».

Это прозвище останется с ней на всю жизнь. Даже когда она переедет в Москву и станет появляться на страничках журналов мод, все равно окружающие будут называть ее Наташасаранча. Но уже по другой причине.

…Тот мужчина подошел к ней на пляже, куда Наташа с подружками ходила каждую субботу.

Девчонки устраивались на старых выцветших полотенцах, ели мороженое, бросали в воду камушки, плавали, болтали.

Незнакомый мужчина показался Наташе старым, хотя ему было слегка за сорок. Спустя много лет она почти ничего о нем не помнила. В памяти осталось только, что на нем были красные плавки – так необычно и вызывающе. Сразу было понятно, что мужчина в их краях чужак: он по-другому говорил, на нем были странные грубые сандалии, и курил он через мундштук, как капитан из кино.

– Девочка!.. Нет, не ты, а вон та, в синем купальнике! – позвал он Наташу. – Можно тебя на минуточку?

Наташа удивилась, но подошла. Незнакомец не стал ходить вокруг да около – сразу сделал ей предложение. Деловое. Если она вечером придет к нему в гостиницу, разденется, позволит себя погладить, поцелует его вот тут и вон там, он даст ей деньги. Много денег.

– С ума сошли? – сначала оторопела она. – Разве можно мне такое предлагать? Я еще ребенок!

– Ничего себе ребенок! – рассмеялся он. – Сколько тебе? Пятнадцать?

– Тринадцать, – буркнула Наташа.

– Ого! – присвистнул он. – Выглядишь старше.

Наташа приосанилась, ибо в тринадцать лет кажется, что выглядеть старше – круто.

– Что ж… Дело твое. Ничего страшного я с тобой делать не буду. Ну, ты понимаешь. Просто поцелуешь меня, и все. Если придешь, дам тебе столько денег, что на половину машины хватит.

– Машины? – округлила глаза Наташа. – И вы меня не обманете?

– Конечно, нет. Главное, ты не говори никому. Ни подружкам, ни тем более родителям.

– Подруги спросят, что вы от меня хотели.

– А скажи им, что ты на родственницу мою похожа. Обознался. Я живу в гостинице «Старый Дон». Двенадцатый номер. Буду ждать тебя с восьми вечера. А в восемь тридцать уйду. Смотри сама.

То ли скука, то ли детский авантюризм, то ли желание получить личные деньги сделали свое дело – вечером Наташа отправилась по указанному адресу. Она не готовилась специально, даже волосы не расчесала. Пошла в том же сарафане, в котором ходила на пляж, и в стоптанных резиновых вьетнамках. Она еще не умела (и не считала нужным) оправлять свою красоту. И не знала о том, насколько она красива.

Наташа долго препиралась с администратором, не хотевшим ее пускать. Инстинкт самосохранения подсказывал ей, что не стоит говорить правду. «У меня родственник тут живет. Просто навестить пришла. Он сам меня позвал», – бубнила она. Наконец ей повезло – зазвонил телефон на стойке регистрации, администратор отвлеклась, и девочка юркнула в коридор, к лестнице. Взлетела на второй этаж и постучала в дверь двенадцатого номера. Если она и волновалась, то совсем чуть-чуть. Скорее ей было любопытно.

– Ты все-таки пришла! – Он отступил в сторону, пропуская Наташу в номер. – Хоть и опоздала.

– Меня в гостиницу пускать не хотели.

– Ну еще бы! – рассмеялся он. – Ты себя в зеркало видела? Вся чумазая какая-то, ноги грязные.

Наташа поджала пыльные пальцы ног.

– Не нравится – могу вообще уйти!

– Но-но, какие мы обидчивые. Никуда не надо уходить. Будешь шампанское?

– Я никогда еще не пила. Хотя у меня родители алкаши.

– Тогда не надо… Я тебе сок лучше налью. Ты голодная?.. Что я спрашиваю, конечно, голодная. Давай, не стесняйся. Сейчас в номер ужин закажем. Ты ведь не спешишь? Мамка паниковать не будет?

– Да ей пофиг.

Честно говоря, ужин вечно голодную Наташу интересовал больше, чем этот странный мужчина. И какой это был ужин – превзошедший все ее ожидания! Нежнейший жареный цыпленок – хотелось целиком его проглотить, вместе с сахарными косточками. Картофельное пюре на жирных сливках с ломтиками лука в карамели.

Пирожные. Наташа так объелась, что ей даже спать захотелось, и все остальное запомнилось как в тумане.

Она позволила мужчине отвести себя в душ, снять сарафан и трусики. Так чудно – он сам ее помыл, как маленькую. Намыливал ее тело, тщательно и аккуратно, будто бы она фарфоровая была. При этом его лицо изменилось – он перестал улыбаться, покраснел, его рот приоткрылся, и вообще он стал похож на ее соседа по лестничной клетке, старого инфарктника.

«Сейчас еще окочурится, и денег обещанных не получу!» – мелькнуло у нее в голове.

О том, что она делает что-то неприличное и запретное, Наташа даже не задумывалась. Естественно, в тринадцать лет у нее не было иллюзий о том, что мужчинам нужно от женщин: Наташу воспитывал двор, она рано узнала об отношениях между полами. Мужчина на руках отнес ее в постель. Он не обманул – ничего, кроме поцелуев не было. Надо сказать, довольно противных поцелуев – от мужчины пахло жареным луком, у него был слюнявый мягкий рот, руки его возбужденно дрожали. А когда он сказал: «Ну а теперь ты меня поцелуй, как на пляже обещала!» – Наташа заволновалась, что ее вообще может наизнанку вывернуть. Но как-то сдержалась.

Она совсем не старалась, не делала вид, что ей приятно. А ему было всё равно.

И с деньгами он не обманул – от силы час мучений, и вот уже он протягивает ей пачку купюр и хлопает по плечу: «А теперь иди, девочка! И помни, что об этом никому нельзя говорить!»

Наташа и не собиралась. Дурочка она, что ли?

О деньгах она тоже никому не рассказала, надежно припрятала. Не дома, конечно, – бессмысленно что-то прятать в доме алкоголиков. Устроила тайник на пустынном берегу реки. Тратила потихонечку – в основном на еду. Сама ела и брата младшего подкармливала.

Тогда Наташа со своей будущей судьбой и определилась. А до того думала, что окончит девять классов и пойдет учиться на парикмахера. Но теперь перед ней открывались иные перспективы. Зачем копошиться в чужой перхоти и получать за это копейки, если деньги можно заработать вот так легко? Потерпела час-другой – и вот они.

Наташа стала проституткой в четырнадцать лет.

Сначала работала в родном городе – предлагала себя осторожно, потихонечку. Только приезжим, чтобы избежать сплетен. Она была очень красива, ей не

составляло труда себя продать. Красота и свежесть – что еще нужно? Но все равно не прошло и года, как все стало всем известно.

И тогда Наташа впервые увидела эмоции на лице матери. До того ей казалось, что мать вообще не умеет чувствовать, отвыкла, и что лицо ее навсегда превратилось в застывшую маску. Но тут словно бес в нее вселился – мать орала, дала ей пощечину, рыдала, грозилась сдать в интернат.

Наташа молча собрала вещи и покинула родительский дом – для того, чтобы никогда не вернуться.

На прощание швырнула матери в лицо немного денег: «Если ты такая совестливая, покорми хотя бы своих детей, не пропивай всё!»

И ушла.

Сначала перебралась в ближайший большой город. А в семнадцать лет уехала в Москву.

Наташе везло – с ней ни разу не случилось ничего страшного. Она была одиночкой, работала на свой страх и риск, и все равно – как будто ангел, странный порочный ангел ее охранял. Ни одного опасного клиента, ни одного «мальчишника», да что там – ее даже ни разу не арестовывали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lagutina_alla/miss-strana-chudovische-i-krasavica

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить